

УДК 82-6

**«МЫ С ВАМИ ЖИВЫЕ ДОПОТОПНЫЕ ОКАМЕНЕЛОСТИ,
ОПАЛЕННЫЕ И ЗАКАЛЕННЫЕ
МОСКОВСКИМ ПОЖАРОМ 1812-го ГОДА»:
П.А. ВЯЗЕМСКИЙ И Ф.Н. ГЛИНКА В ИХ ПЕРЕПИСКЕ
1820–1860-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА)**

© 2025

Д.Н. Жаткин

Жаткин Дмитрий Николаевич (2025), SPIN-код: 7997-9846, ORCID: 0000-0003-4768-3518, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенский государственный технологический университет (Российская Федерация, 440039, г. Пенза, пр. Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а/11), ivb40@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2025

Статья принята к публикации: 20.06.2025

В статье впервые вводится в научный оборот переписка П.А. Вяземского и Ф.Н. Глинки 1820–1860-х гг. из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (ф. 141, оп. 1, ед. хр. 141, 211; ф. 195, оп. 1, ед. хр. 602, 632, 1731). Отмечается, что обмен письмами между двумя сторонами не был постоянным и осуществлялся по мере практической необходимости. Переписка первой половины 1820-х гг. связана с приемом П.А. Вяземского в почетные члены Вольного общества любителей российской словесности, председателем которого был Ф.Н. Глинка, а также с его участием в подготовке по инициативе ВОЛРС нового издания «Стихотворений» И.И. Дмитриева. Эпистолярный диалог в 1831 г. был инициирован П.А. Вяземским, у которого возникла претензия в Твери и который вынужден был обратиться к Ф.Н. Глинке как к давнему знакомому, работавшему на тот момент в Тверском губернском правлении. Основанием к возобновлению переписки в 1847 г. стал выход некрологической статьи П.А. Вяземского о С.Н. Глинке, старшем брате Ф.Н. Глинки, и его активное участие в судьбе семьи покойного. В двух разрозненных письмах к П.А. Вяземскому, относящихся к 1856 и 1861 гг., Ф.Н. Глинка предстает человеком с от-

четливо выраженной консервативной гражданской позицией, сформулированной, в частности, в ранее не публиковавшемся стихотворении «Две жизни России». Вторая половина 1860-х гг., когда П.А. Вяземский, язвительно критиковавший радикализированную демократическую среду, искал опору в людях своего поколения, а Ф.Н. Глинка после смерти жены был втянут в тяжбы, связанные с дележом наследства, – этот период был временем интенсивной переписки, однако из 18 сохранившихся в РГАЛИ писем 16 принадлежат Ф.Н. Глинке и только 2 – П.А. Вяземскому. Это обстоятельство позволяет говорить о неполноте представленных материалов и необходимости дальнейших разысканий в других российских архивах, которые будут способствовать накоплению эмпирических данных для последующего научного осмысления творческих взаимосвязей П.А. Вяземского и Ф.Н. Глинки, ранее только фрагментарно затрагивавшихся в работах, посвященных смежным научным проблемам.

Ключевые слова: П.А. Вяземский, Ф.Н. Глинка, переписка, поэзия, литературная полемика, творческие взаимосвязи.

П.А. Вяземский (1792–1878) и Ф.Н. Глинка (1786–1880) – два литературных долгожителя, которым было суждено пережить «и многое, и многих»¹. Первые публикации П.А. Вяземского появились на страницах «Вестника Европы» в 1808 г.; тем же годом датирована и первая книга Ф.Н. Глинки «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях в Венгрии, с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг.». Придя в литературу еще в допушкинскую пору, во времена Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева, оба писателя оставались в ней на протяжении семи десятилетий, практически до завершения царствования Александра II, пережив А.К. Толстого, Н.А. Некрасова, Ап.А. Григорьева и других литераторов нового поколения, претерпев эволюцию взглядов на окружающую действительность и общественные процессы. П.А. Вяземский и Ф.Н. Глинка оставили после себя огромное литературное и эпистолярное наследие, которое и поныне в полном объеме не введено в научный оборот. В этой связи несомненный интерес представляет переписка двух писателей, сохранившаяся в Российском государственном архиве литературы и искусства, в фонде Вяземских (ф. 195, оп.1, ед. хр. 602, 632, 1731) и в фонде Ф.Н. и А.П. Глинок (ф. 141, оп. 1, ед. хр. 141, 211). Переписка П.А. Вяземского и Ф.Н. Глинки на протяжении десятилетий их знакомства не была постоянной: она возникала по мере необходимости и так же затухала, высвечивая интересные эпизоды в биографиях и творчестве двух поэтов.

1. Первая половина 1820-х: вокруг ВОЛРС

В 1820–1825 гг. переписка была связана с деятельностью Ф.Н. Глинки как председателя Вольного общества любителей российской словесности, которое, приняв в свои ряды П.А. Вяземского, нередко осуществляло пересылку ему книг и журналов с сопроводительными письмами, реализовывало проект по подготовке издания «Стихотворений» И.И. Дмитриева при участии П.А. Вяземского, написавшего статью «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» и содействовавшего созданию нового портрета И.И. Дмитриева художником Сальваторе Тончи.

1

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому²
28 сентября 1820 г., С.-Петербург

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Высочайше утвержденное С. Петербургское Вольное общество любителей российской словесности³, уважая в полной мере отличные познания вашего сиятельства в науках и труды, подъятые для пользы отечественной словесности, избрало вас, на основании § 33 устава, почетным членом, и определило журналом⁴ своим, в 27 день сего сентября состоявшимся, о сем сообщить вам.

С особенным удовольствием я поспешаю исполнить возложенное на меня поручение и, препровождая у сего⁵ по одному экземпляру высочайше утвержденного устава и списка гг. членов, долгом поставляю известить ваше сиятельство, что в непродолжительном времени я буду иметь честь доставить вам, милостивый государь, диплом на достоинство почетного члена.

С истинным почтением и таковою же преданностию честь имеет быть,

милостивый государь, вашего сиятельства
всепокорным слугою

Федор Глинка.

№ 85.

28 сентября 1820.

Его сият^{ву} князю П.А. Вяземскому.

П.А. Вяземский – Ф.Н. Глинке⁶

2 (14) марта 1821 г., Варшава

Милостивый государь Федор Николаевич!

Я имел честь получить письмо ваше и приношу чувствительную благодарность за труд, вами принятый, уведомить меня о приятном отличии, мне оказанном, избрания меня в члены почетные общества, которое прошу убедительно удостоверить, что в полной мере ценить умею, сие лестное доказательство его снисходительной ко мне благо-склонности.

Двойная обязанность, предположенная себе учредителями того общества и ревностно в действие приводимая их соучастниками, удваивает и пользу, которую подобные установления всегда приносят обществу гражданскому. Усилия, направляемые возвышенною любовью к просвещению, сему источнику всех благ государственных, не всегда от препятствий чуждых, но неодолимых, и влияние премен неблагоприятных, достигают успеха желаемого; но влияние добрых дел независимо от господства постороннего и семена их неистребимы. Поприще трудов, безгранично расширяющееся перед упованиями великодушного честолюбия и страсти ко благу, часто безжалостно обрывается обстоятельствами современными; и усердие ума всегда свободного в своем побуждении, в исполнении благородных предприятий своих покоряется необходимости. Благотворительность носит в себе самой начала жизни и деятельности и сообщает их тем, которые исповедуют ее наставления словом и делом. Вольтер сказал: «J'ai fait un peu de bien, c'est mon meilleur ouvrage»⁷. С таким уверением и общество вами, милостивый государь, председательствуемое, станет искренно и смело перед судом потомков, нас счастливейших и свободнее следующих за призыванием истины, на пути, предначертанном пользою наук и словесности, столь тесно, столь, так сказать, единородно связанною с пользою общественною и благосостоянием народа. С истинным удовольствием приношу вам вторительно мою благодарность и прошу принять уверение в отличном уважении и постоянной преданности, с коими пребываю,

милостивый государь, ваш покорнейший слуга
к. Вяземский.

Варшава.

Марта ¹⁴/₂ дня.

1821го года.

Н.И. Гнедич и А.А. Никитин – П.А. Вяземскому⁸

1 мая 1822 г., Санкт-Петербург

№ 344

Его сиятельству господину почетному члену высочайше утвержденного С<анкт>-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности и кавалеру князю Петру Андреевичу Вяземскому

Комитет, учрежденный для издания Стихотворений г. попечителя⁹ его высокопревосходительства Ивана Ивановича Дмитриева, довел до сведения Общества, что первая часть сих Стихотворений уже отпечатана и вторая также в скором времени будет окончена. Но книге сей недостает двух прекрасных вещей: портрета автора, которого черты драгоценны для его соотечественников, и жизнеописания, которое, вышед из-под опытного пера вашего, составит превосходную отдельную статью в нашей литературе¹⁰.

Общество покорнейше просит ваше сиятельство поспешить доставлением портрета¹¹ и биографии, будучи уверено, что вы, по любви своей ко всему изящному и по расположению к сему сословию, исполните его просьбу.

Н. Гнедич

Секретарь общества Андрей Никитин

Ф.Н. Глинка и А.А. Никитин – П.А. Вяземскому¹²

22 января¹³ 1823 г., Санкт-Петербург

№ 153

Его сиятельству господину почетному члену высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности князю Петру Андреевичу Вяземскому

Общество, исполненное отличного уважения к вашему сиятельству, приятным долгом поставляет препроводить к вам первую

книжку продолжаемых им на 1823 год Трудов своих под названием: Соревнователь просвещения и благотворения¹⁴.

Председатель общества Федор Глинка
Секретарь общества Андрей Никитин

5

Ф.Н. Глинка и А.А. Никитин – П.А. Вяземскому¹⁵

30 января 1823 г., Санкт-Петербург

№ 185

Его сиятельству господину почетному
члену Вольного общества любителей российской словесности князю Петру Андреевичу Вяземскому

Общество, желая как можно скорее издать в свет Стихотворения его высокопревосходительства Ивана Ивановича Дмитриева, покорнейше просит ваше сиятельство поспешить возвращением написанной вами его биографии¹⁶. Сословие сие уверено, что вы, по расположению своему к нему, не откажете в сей просьбе, тем более, что Стихотворения и портрет почтеннейшего попечителя давно уже отпечатаны и что скорым изданием книги Оно будет иметь средства возратить употребленный капитал и доставить удовольствие просвещенным читателям иметь в библиотеках своих лучшее издание знаменитого поэта, украшенное превосходным портретом и обогащенное произведением пера известного в Отечестве нашем литератора¹⁷.

Председатель общества Федор Глинка
Секретарь общества Андрей Никитин

Ф.Н. Глинка и А.А. Никитин – П.А. Вяземскому¹⁸
26 февраля 1823 г., Санкт-Петербург

№ 243

Его сиятельству господину почетному
 члену общества князю Петру Андреевичу
 Вяземскому

Общество имело честь получить, при почтеннейшем отношении
 вашего сиятельства от 12 сего февраля, 100 рублей и, причислив оные
 к сумме на благотворение определенной, поставляет долгом принести
 вашему сиятельству за таковое пожертвование совершенную свою
 благодарность.

Председатель общества Федор Глинка
 Секретарь общества Андрей Никитин

Ф.Н. Глинка и А.А. Никитин – П.А. Вяземскому¹⁹
10 января 1824 г., Санкт-Петербург

№ 33

Его сиятельству господину почетному
 члену общества князю Петру Андреевичу
 Вяземскому

Общество, имея честь препроводить для библиотеки вашего сия-
 тельства три экземпляра Стихотворений господина попечителя сво-
 его, его высокопревосходительства Ивана Ивановича Дмитриева,
 долгом поставляет принести вам истинную и совершенную благодар-
 ность за труд, понесенный вами при составлении биографии знамени-
 того автора, которая, к сожалению, не могла быть вполне напечатана
 по известным вашему сиятельству причинам²⁰.

Председатель общества Федор Глинка
 Секретарь общества Андрей Никитин

Ф.Н. Глинка и А.А. Никитин – П.А. Вяземскому²¹

15 января 1824 г., Санкт-Петербург

№ 60

С препровождением первой книжки
Соревнователя 1824 года

Его сиятельству господину почетному
члену высочайше утвержденного Вольного
общества любителей российской словесно-
сти князю Петру Андреевичу Вяземскому

С. Петербургское Вольное общество любителей российской словесности, продолжая издание трудов своих и на 1824 год, в виде журнала под названием *Соревнователь просвещения и благотворения*²², честь имеет первую книжку оных препроводить к вашему сиятельству, уведомив при том, что последующие будут немедленно доставляемы в определенное время.

Председатель общества Ф. Глинка
Секретарь общества Андрей Никитин

П.А. Вяземский – Ф.Н. Глинке²³

20 января 1824 г., Москва

Милостивый государь Федор Николаевич!

Приношу Вам мою благодарность за доставление мне трех экземпляров Стихотворений Ив. Ив. Дмитриева и прошу изъять ее от меня Обществу, под председательством вашим состоящему. Снисхождению его и вашему обязан я за удовольствие, что вижу себя хотя посторонним и дальним участником в исполнении предприятия, которое навсегда останется памятным в литературе нашей. Не забуду никогда знака лестного внимания и умею ценить его вполне.

Пользуюсь случаем, чтобы повторить вам, милостивый государь, уверение в отличном уважении моем и преданности неизменной.

Вяземский.

Москва.

Января 20го дня.

1824го года.

Ф.Н. Глинка и А.А. Никитин – П.А. Вяземскому²⁴
31 января 1825 г., Санкт-Петербург

№ 68

С препровождением 1^й книжки
 Соревнователя

Его сиятельству господину почетному
 члену высочайше утвержденного Вольного
 общества любителей российской словесно-
 сти князю Петру Андреевичу Вяземскому

С. Петербургское Вольное общество любителей российской словесности, продолжая издание трудов своих и на 1825 год, в виде журнала под названием *Соревнователь просвещения и благотворения*²⁵, честь имеет первую книжку оных препроводить к вашему сиятельству, уведомив при том, что последующие будут немедленно доставляемы в определенное время.

Председатель общества Федор Глинка
 Секретарь общества Андрей Никитин

2. Год 1831-й: «Пушкина прошу за меня обнять»

Эпистолярный диалог Ф.Н. Глинки и П.А. Вяземского был прерван на несколько лет событиями, последовавшими за неудавшимся восстанием декабристов на Сенатской площади в Петербурге. За участие в деятельности декабристских «Союза спасения» и «Союза благоденствия» Ф.Н. Глинка был арестован, помещен в Петропавловскую крепость, затем (в июне 1826 г.) сослан в Петрозаводск, где стал советником Олонецкого губернского правления. Возобновлению контактов способствовал перевод Ф.Н. Глинки в 1830 г. в Тверь²⁶, где он устроил свой семейный очаг, женившись на А.П. Голенищевой-Кутузовой, а также опубликовал описательную поэму «Карелия, или Заключение Марфы Иоанновны Романовой». 12–13 (?) августа 1830 г. А.С. Пушкин и П.А. Вяземский навестили Ф.Н. Глинку в Твери, о чем сохранилась помета в записной книжке П.А. Вяземского, датирован-

ная 18 августа 1830 г.: «10[-го] выехали мы из Пет[ербурга] с Пушкиным в дилижансе. Обедали в Царск[ом] Селе у Жуковского. В Твери виделись с Глинкою. 14-го числа утром приехали мы в Москву» [Вяземский 1963, с. 191]. Поэты беседовали о рукописях З.Я. Ходаковского, в беседе, вероятно, принимал участие А.А. Шишков, племянник адмирала [Летопись жизни и творчества Пушкина 1999, с. 226]. В 1831 г. произошел обмен письмами, инициированный П.А. Вяземским, у которого возникла претензия в Твери²⁷; он вынужден был обратиться к Ф.Н. Глинке как к своему старому знакомому, работавшему в Тверском губернском правлении. В сохранившихся письмах, наряду с подробностями жизни двух поэтов, неоднократно упоминается имя А.С. Пушкина, что придает им особую ценность.

11

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому²⁸

22 марта 1831 г., Тверь

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Приятное письмо ваше имел честь получить. Тотчас отправился я в губернское правление и потребовал *справку*. Вот эта справка, не совсем, может быть, правая, не совсем исправная. Из прилагаемой записки (закрывающей помянутую справку) изволите усмотреть, что г<убернское> правление по делу вашему писало, напоминало. Вот что у нас обыкновенно делают. Я приказал еще подтвердить. Далее власть моя не распространяется, ибо я имею только 1/5 часть власти, присвоенной месту, в котором служу²⁹. К несчастью дело ваше не по моей экспедиции, однако я так желаю сделать вам удобное, что готов и просить, и кланяться, и браниться, чтоб только достигнуть желаемого. Поверенному вашему я говорил, что надобно сделать. Всего бы лучше попросить нашего нового Губернатора графа П.И. Апраксина³⁰; он, с первого шагу, может спросить о ходе дела, и я всё ему открою.

Какой праздник доставили бы вы нам заездом вашим в Тверь! Княгиня Е.С.³¹ очень желает вас видеть. Ласкаю себя, что вы посетили бы и мой укромный уголок. На сей раз вы застанете меня не одного. На этой неделе я женился на дочери покойного Павла Ивановича Кутузова³². По чувствам и правилам мы сходны во многом с женою и, между прочим, в том, что оба равно любим, уважаем и чтим ваш от-

личный ум, ваш прекрасный (в своем роде у нас единственный) талант. Она страстно любит поэзию и музыку и в эту минуту, как я пишу к вам, она разыгрывает на арфе какую-то прелестную фантазию, которая могущественно отвлекает меня от грязного земного быта, но не может отвлечь от того отличного почитания и совершенной преданности, с коими имеет честь быть,

милостивый государь,

вашего сиятельства всепокорнейший

Ф. Глинка.

1831. Марта 22.

P.S. Если увидите А.С. Пушкина, прошу обнять его сладкими объятиями поэзии и дружбы; я всегда любил и люблю его от души.

12

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому³³

13 апреля 1831 г., Тверь

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Извините, что пишу на лоскутке и немного. Прозаическим бытом занят отныне у меня весь досуг. Тотчас, по отъезде поверенного вашего, я писал к вам и послал *справку* о вашем деле. Не зная *точнейшего* вашего адреса, я писал прямо: «К. П.А.В. в Москве». Неужели Москва не найдет в себе Вяземского?! – Но видно вы моего письма не получили: поэтому прошу всех выправиться³⁴ на почте и снабдить меня *вашим адресом*. Это письмо пишу через руки³⁵. Поверенный ваш исчез, как привидение. Я имел много вещей ему передать изустно, но он не является! У прокурора я спрашивал. Граф, губернатор наш, проехал, видел прокурора, но ничего ему не говорил – видно, забыл!

Жена моя чувствительнейше благодарит вас за отзыв о ней. Она действительно мила, умна, музыкальна и пишет прекрасные стихи. Поэтом же я могу назвать ее и потому, что она умеет ценить в самой полной мере ваш пиитический гений и что считает вас притом одним из остроумнейших людей в России. В Твери желают Вас видеть княгиня³⁶, жена моя и я. А. Сергеев. Пушкина прошу за меня обнять. Желаю ему много, много счастья – я всегда его очень любил; он уверен в этом. Закрываю уверением в отличном к вам почтении и совершенной преданности всепокорнейший Ф. Глинка.

1831. Апреля 13.

г. Тверь.

П.А. Вяземский – Ф.Н. Глинке³⁷

21 апреля 1831 г., Москва

Милостивый государь Федор Николаевич, мысль, что я сегодня или завтра еду в Петербург, помешала мне отвечать тотчас на ваше первое письмо. Теперь приношу мою покорнейшую благодарность и за первое. Чувствую в полной мере цену вашей постоянной обязательности. Я писал к своему поверенному и надеюсь, что он скоро к вам явится. Слышу, что новый губернатор ваш изменил вам и потому все мои надежды сосредоточиваются теперь на вас одном³⁸. Если я мог бы продать кому-нибудь в Твери свою претензию, то всего бы лучше: потеряв на деньгах, выиграл бы я на времени. – Пушкин, которому я передал ваш поклон, собирается также в Петербург. Думаю ехать в конце будущей недели. Мой отъезд имеет участь истории русского народа, с тою разницею, что я лгу даром, а Полевой за деньги³⁹. Прошу покорнейше передать мое душевное почтение любезнейшей супруге вашей и княгине Хилковой. Примите и вы уверение в неизменных чувствах преданности, с которыми остаюсь, милостивый государь,

вашим покорнейшим слугою.

Вяземский.

Москва.

Апреля 21го 1831 г.

3. Конец 1840-х: память о С.Н. Глинке и духовная поэзия

В конце 1840-х гг. толчком к возобновлению переписки П.А. Вяземского и Ф.Н. Глинки стал выход в №№ 277 и 278 «Санкт-Петербургских ведомостей» от 4 и 5 декабря 1847 г., а затем и отдельной брошюрой некрологической статьи П.А. Вяземского «Сергей Николаевич Глинка» [Вяземский 1847а, с. 1252, 1256; Вяземский 1847b]; впоследствии статья вошла в «Полное собрание сочинений» Вяземского [Вяземский 1878–1896, т. 2 (1879), с. 335–347]. Старший брат Ф.Н. Глинки С.Н. Глинка (1776 – 5(17).4.1847) – мемуарист, прозаик, драматург, поэт, журналист – в последние годы жизни тяжело болел, полностью ослеп, но продолжал работать над «Записками», которые диктовал своей дочери⁴⁰. На момент смерти С.Н. Глинки его слава как

редактора «Русского вестника» (1808–1824), боровшегося с французским влиянием, как автора патриотических пьес «Наталья, боярская дочь» (1806), «Михаил, князь Черниговский» (1808), «Боян» (1808), «Минин» (1809), «Осада Полтавы» (1810), поэм и повестей в стихах «Пожарский и Минин, или Пожертвования россиян» (1807), «Царица Наталья Кирилловна» (1809) и др. осталась далеко в прошлом. Тем ценнее была для Ф.Н. Глинки память о его близком родственнике, бережно сохраненная П.А. Вяземским. Выход статьи о С.Н. Глинке стал для Ф.Н. Глинки основанием поделиться с П.А. Вяземским своими исканиями в сфере духовной поэзии, рассказать о работе над поэмой «Таинственная капля», которой еще предстояло на пути к читателю преодолеть церковную цензуру. Обращает на себя внимание изменение «весовых категорий» собеседников: если в первой половине 1820-х гг., в эпоху Вольного общества любителей российской словесности, председатель этого общества Ф.Н. Глинка мог, при желании, легко принять участие в сокращении статьи П.А. Вяземского об И.И. Дмитриеве, в том числе из-за цензурных проблем, то в конце 1840-х гг. П.А. Вяземский для Ф.Н. Глинки – корифей, расположением которого нужно дорожить, рассчитывая на помощь, которая может понадобиться «Таинственной капле» для прохождения через цензоров. После ухода из жизни в 1844–1847 гг. Е.А. Баратынского, В.К. Кюхельбекера, Н.М. Языкова П.А. Вяземский воспринимался в обществе как последняя «звезда разрозненной плеяды»⁴¹, осененной именем А.С. Пушкина, один из лучших (наряду с В.А. Жуковским) поэтов-современников, тогда как Ф.Н. Глинка, сосредоточившийся на духовной поэзии, прежде всего – на своей многолетней работе над «Таинственной каплей» [публикацию фрагментов поэмы см.: Глинка 1849, с. 1–8; Глинка 1850], смещался на периферию литературного процесса и, словно сам сознавая случившееся, обращался в письмах к П.А. Вяземскому как к «иерарху современной русской словесности».

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому⁴²

23 декабря 1847 г., Тверь

1847. Декабря 23-го.

г. Тверь

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Нет слов, нет выражений, но есть благодарное молчание, им-то ограничиваюсь в отношении к вашему сиятельству. При нынешних реальных верованиях, при стоицизме современных *саддукеев*⁴³, не верующих ни духам, ни ангелам, вы, князь, фактически доказали, что есть на свете *ангелы-хранители*. С нескольких уже лет вы, как дух благодетельный, следили за угасавшею жизнью моего покойного брата и за всеми домашними несчастьями его семейства⁴⁴. И теперь, могучим пером своим, начертали вы очерк литературной жизни человека, который, по каким-то особенным началам – началам жизненным – был братом, другом, семьянином целого семейства человеческого, готовый делить горе со всяким, помогать всякому. *Свою семью* завещал он Богу, а Бог избрал исполнителем этого завещания вас!

Вот что думал я, читая печатное известие о брате моем С.Н. Глинке. А.Я. Булгаков⁴⁵ переслал мне этот новый оттиск вашего драгоценного таланта с надписью руки вашей⁴⁶.

Предполагая быть скоро в С.Петербурге, я затаиваю от бумаги те чувства, которые хотелось бы высказать вам лично, ограничиваясь только принесением вам поздравления с наступающими праздниками и уверением в отличном почитании и сердечной преданности, с коими имеет честь быть,

милостивый государь,

вашего сиятельства всепокорным слугою

Федор Глинка.

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому⁴⁷
8 октября 1848 г., Санкт-Петербург

С. Петербург

1848-го октября 8

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Как иерарху современной русской словесности, как человеку, соединяющему в себе все условия литератора, посылаю вам содержание моей легенды⁴⁸. Оставьте эту тетрадь у себя и при досуге и терпении прочтите ее. В этом кратком изложении найдете вы весь ход поэтического сказания. – Теперь сочинение мое, чрез посредство А.И. Войцеховича⁴⁹, поступает или даже поступило уже в *духовную цензуру*. Трудно, говорят, пройти чрез этот густой и тернистый лес; что внесешь туда целым, вынесешь оттуда оборванным!

Я не знаю, впрочем, что может быть у меня *запретного*? – Ценсурный устав воспрещает только говорить против Бога и государя; у меня нет ничего ни против Бога, ни против государя, а есть много *за Христа* и *против* Сатаны: следовательно, всякий кто захочет останавливать ход такого сочинения (т. е. моей бедной легенды), за кого стоять будет? – Тут немудрено сделать логический вывод⁵⁰.

Кажется, и духовная цензура, обязанная охранять права Христа, должна бы придержаться подобного рассуждения. Но, незнакомая с условиями и правами светской литературы, она, пожалуй, готова выдрать страницы из Мессияды⁵¹ и у самого Данта!

Во всяком случае, я считаю приятнейшею обязанностью, по чинопочитанию литературному, передать вам прилагаемое здесь содержание моего обширного стихотворения – моей легенды, которая, как бедная душа, поступает теперь в Чистилище, а потому и прошу для нее молитв и покровительства вашего.

С отличным уважением и давнею преданностью имеет честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

Федор Глинка.

RS. Писец наделал пропасть ошибок и описок – извините!

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому⁵²
 23 октября 1848 г., Санкт-Петербург

СПб. 1848го октября 23го

Под влиянием благосклонного внимания к чтению и ласкового приема со стороны вашего сиятельства и княгини супруги вашей, возвратился я вчера домой с благодарностию к терпеливым слушателям и угостительным хозяевам⁵³. Сегодня я похож на того горного жителя, который с вечера, в полупотемках, перешел чрез опасное место, а на другой день сам дивится, как он это сделал! И я теперь дивлюсь, как это так случилось, что я решился читать мои стихи пред вами и другими – *судьями полными*, мастерами своего дела. Но что сделано, то уж сделано. – Я прочел бы вчера (в тот же объем времени) может быть и более, если б не чувствовал недостатка в помощнике: обыкновенно я читаю мою легенду пополам с своею женою⁵⁴. Тогда чтение идет скорее. Говорю об этом потому, что если вперед захотите прослушать другие части легенды и назначите к тому день и час, то мы уж (два странствующих артиста) явимся к вам сам-друг – и муж и жена вместе. Тогда – в два голоса – прочтем больше и, может быть, успеем показать вам рай, потерянный Адамом, и рай, приобретенный разбойником, и провести вас по всем изгибам и отделениям Ада. – Не дивитесь, что чтение идет у нас ходче, когда мы – муж и жена – читаем вместе. Переписав не один раз, своею рукою, мою длинную легенду, жена моя свыклась с нею как с товарищем⁵⁵. Итак, если на будущей неделе распорядитесь чтением, к вам явятся уже два чтеца.

Почтенного и, как говорят, просвещенного г-на Сербиновича⁵⁶ попросите только о том, чтоб он поставил г-на духовного цензора на ту точку зрения, с которой легенда является вполне *литературным* произведением, а потому и не подлежит строгостям догмы, привыкшей иметь дело с *богословскими* трактатами. Это не школьная схоластика, это просто рассказ *светского* автора.

Засвидетельствуйте, пожалуйста, и о том, что картины мои *не суть перевод Евангелия* (чего они страх боятся!), а только взяты из жизни Евангельской и ни более, ни менее как и все картины, даже иконы всех *художников*, только с тою разницею, что те писаны на холсте и дереве красками, а мои намалеваны *на бумаге* словами и орамлены *рифмою*. Если ж привязываться к *обстановке*, то цензура

не должна пропустить и корреджиевой ночи⁵⁷. Впрочем, недавно еще напечатана книга с заглавием «Переложение в стихи разных мест Св. Писания. Сочин. И. Фараонова»⁵⁸. Стало быть, *дозволяют* не только живописать, но и перелагать (переводить) Писание. Да почему ж бы и не позволять?

Во всяком случае, полагается на поддержку вашу, имеющий честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга

Ф. Глинка.

Торговая улица⁵⁹,
дом Лемана⁶⁰,
2^й этаж.

17

П.А. Вяземский – Ф.Н. Глинке⁶¹

22 или 23 декабря 1848 г., Санкт-Петербург

Я все эти дни был не совсем здоров и не выезжал, а потому не был у вас, любезнейший Федор Николаевич. Не придете ли вы к нам завтра вечером часу в десятом? Очень одолжите, и *особенно, если утолите жажду нашу частичкою многообильной Капли вашей*⁶². Ожидаю с надеждою и нетерпением удовлетворительного ответа.

Душевно вам преданный

Вяземский.

Четверг.

18

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому⁶³

23 декабря 1848 г., Санкт-Петербург

1848. Декабря 23

Без фраз от души уверяю вас, многоуважаемый князь, что я считаю душевным наслаждением быть у вас, пользоваться разговором вашим, всегда умным. Но незнакомый с петербургским бытом, я советился заезжать к вам часто, чтоб не заехать не вовремя. – Сегодня

полетел бы, хоть пешком бы пошел к вам, да нет возможности изменить слову. Уже за три дня мы дали и письменное и словесное обещание, вследствие письменного и словесного зазыва, провести сей вечер (23-го дек.) в семействе Кочубеев⁶⁴. Изменить нельзя! А мне страх как хочется прочесть вам и достойнейшему Ф.И. Тют<чеву> одну мою вещь. Когда и как это сделать <нрзб.>. Всегда преданнейший ваш слуга и почитатель

Ф.Глинка.

19

П.А. Вяземский – Ф.Н. Глинке⁶⁵

29 января 1849 г., Санкт-Петербург

Сделайте одолжение, любезнейший Федор Николаевич, приезжайте к нам с милостивою государынею Авдотьею Павловною в субботу вечером к 10 часам. В этот день родился Жуковский и мы хотим в приятельском кругу отпраздновать этот день.

Душевно Вам преданный

Вяземский.

29 янв.

4. Между 1856-м и 1861-м: брожение умов

Необыкновенно интересную эпоху в литературной жизни и развитии общественной мысли в России – первые годы реформ Александра II, вызвавшие брожение умов и идей, – оттеняют два письма Ф.Н. Глинки к П.А. Вяземскому, сохранившиеся в Остафьевском архиве. В этих письмах Ф.Н. Глинка предстает человеком с отчетливо выраженной консервативной гражданской позицией, сформулированной в том числе и в стихотворениях общественной тематики, одно из которых – «Две жизни России» – в полном объеме было включено в текст письма.

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому⁶⁶
 19 марта 1856 г., Санкт-Петербург

1856 марта 19

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Вчера при чтении графа Сюзора⁶⁷ возревновал подражать ему (разумеется, в другом роде) *полковник Лебедев*⁶⁸. У него готовы три чтения «О духе, свойстве и подвигах русского воинства». Содержание чтений обнимает все эпохи от Петра до современности. Чтения упрощены так, что дамы и даже малые дети, легко понять их сумеют. Сам г-н Лебедев известен лично и коротко и с лучшей стороны государю императору. Громким звучным голосом, способностью и умением (разумеется, о *своем* деле) говорить Лебедев не уступит никакому оратору. Я был свидетелем, как он не раз заслужил рукоплескания государя наследника, великих князей и огромной разномундирной публики.

Теперь он ожидает одного – *вашего приглашения*. Если ваше сиятельство его пригласите и ему позволите, то в той же зале, – разумеется, в *свои* дни и часы, – он займет публику – и будет чего послушать! Читать он будет не в свою пользу, а *в пользу раненых*. – Вот что я счел долгом довести до сведения вашего сиятельства и присовокупить, что полковник Лебедев живет «в Торговой улице, в доме сенатора Лавинского»⁶⁹.

При этом не могу не сказать, что грф. Сюзор читал вчера превосходно и чтение его самое благонамеренное. Публика числом удвоилась, вниманием учетверилась. Он снимает радужные покровы с вещей гибельных. В Европе и у нас – по милости Герцена – распространилось мнение, что общество больно, лежит ужé на смертном одре и должно его (как делают некоторые дикари) добить долбнею. – Несмотря на то, что послы Божии – тиф и холера – рубят и губят человечество и наши великолепно ученые человечки думают догубить и Богом щадимое. – Другие задумали лечить раны *насмешкою*. Но что такое насмешка? Игла, намазанная желчью: она колет, раздражает, а отнюдь не целит! Уксусом не утолишь ран, для них нужен *элей* мудрости. Древние пророки – послы Божии – не играли в гумор⁷⁰, не смеялись, а плакали. В голосе обличителя, как в прекрасной задушевной музыке, – должна дрожать (или висеть <?>) слеза. Эта слеза падает на сердце и возрождает человека. Наши нынешние только и гонятся за смехом (а время не смеется!) и через пересмехание и карикатурные

представления ссорят одно состояние с другим: детей с отцом, раба с господином, сыпят иглы в своих фразах-игольниках и раздражают всех, никого не успокаивая. Наши всё кричат (или кричали): «в европеизм!» – конечно

Умна Европа – я не спорю!
Но *на добро ли* этот ум?!
Идет с умом от горя к горя,
А в результате – только шум;
Еще какое-то кружение
В одном и том же всё кругу!
Кричит: «прогрессы просвещения»,
О Боге ж – ровно ни гу-гу!
Ей быт земной – дороже неба!
Торговля – вот ее потреба,
Ей биржа храм! – сама ж без хлеба,
И при уме – кругом в долгу!⁷¹

Извините, что занял вас десятками строк; но когда сердце томится, так невольно говорится!

С отличным почитанием и благою преданностью к таланту и особе вашего сиятельства, имеет честь быть покорносердным слугою

Ф. Глинка.

21

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому⁷²

3 апреля 1861 г., Тверь

1861го апреля 3го

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

С чувством глубокой благодарности, с умилением сердечным принял я переданные мне советником нашим Розовым⁷³ слова вашего сиятельства. Дай Бог вам здоровья за то, что вспомнили нас *отставших* – так чествуют нас *передовые*⁷⁴.

Новые люди пришли и стирают нас старых со света!

А мы разве виноваты в том, что, проснувшись ранее нынешних деятелей, думали сделать то тогда, что делается теперь. – Лестно, по-

четно и восхитительно бы было мне быть на заслуженном юбилее вашем⁷⁵; но я даже и рад, что не был. А почему? Я не ограничился бы чувствованием только автора и творца прекрасных стихов, я не вытерпел бы, чтоб не рассказать и не высказать, что знаю о вас, как о человеке, как об ангеле-утешителе близкого мне семейства⁷⁶. Кто ж не знает бриллиантовых ваших стихов, но бриллиантовые дела ваши скрыты для многих под корою благородной скромности вашей. Это и лучше! Драгоценности, не понятые землею, получают оценку свою в небе.

Повторяю благодарность мою за радушное внимание ваше и чтоб хоть чем-нибудь показать, что и мы не из самых задних рядов в колонне, несущейся вперед, осмеливаюсь представить вам стишки «Две жизни России». Мысль для этих рифмованных строчек подало мне настоящее нравственное состояние наших простолюдинов; мужички вот, видите ли, теперь в каком-то еще недоумении и выглядят, точно как будто их окрестили *в новую веру*⁷⁷. Оно и действительно: их окрестили в новую политическую жизнь! — Мы сами скоро едем в С^тПетербург, и вы, князь, лично услышите от меня и жены моей уверения в том высоком почитании и совершенной к вам преданности, с которыми имеет честь быть,

милостивый государь, вашего сиятельства
всепокорным слугою

Ф. Глинка

Две жизни России

Над древнею Русью повеял дух Божий,
Владимир Великий народ свой крестил:
Он свергнул кумиры с их гордых подножий
И новою жизнью народ возродил!..

В дни, за тем невзгод, боренья,
В дни кровавого крещенья,
Русь, сквозь бури и волненья
(Верой правою светла)
С честью крест свой пронесла;
Но, любя слова Христовы,
Всё на деле не могла
С меньших братий снять оковы!..

Дух Ея в бедах не слаб,
Чужд был смут и святотатства,
Но не чужд был слова «раб» —
Не было Христова Братства!
Так прошел за веком век!..
Но в короне Мономаха,
Выше ропотного страха,
Встал монарх и человек!..

Над новою Русью повеял Дух Божий,
Повеял дух жизни, Дух кроткий Христов,
И, древних условий с гранитных подножий,
Мгновенно исчезло название рабов!..
От Лены и Оби до Крыма — народы,
Проникнуты чувством одним,
Крестились паки⁷⁸ — крещеньем иным,
В купели разумной гражданской свободы...

Ф. Глинка

Тверь
28-е марта 1861

5. Вторая половина 1860-х: когда жизнь клонится к закату

Активная переписка двух поэтов возобновилась в феврале 1866 г. с изъятием благодарности Ф.Н. Глинки П.А. Вяземскому за переданный «подарок, дорогой для литературы». Окончательно разuverившись в демократических литературных кругах, настроения в которых существенно радикализировались, П.А. Вяземский искал единомышленников среди старых знакомцев, ровесников, пришедших в литературу в начале XIX века, а таковых оставалось совсем немного. Именно поэтому он и передал в Тверь через Е.А. Розова одну из своих самых едких пародий на законодателей литературной моды — «Тройка: Песня, басня и быль» («Вот мчится тройка удалая...»): в том, что Ф.Н. Глинка поддержит, не подведет, у П.А. Вяземского не было сомнений. Однако он, очевидно, не ожидал, что овдовевший Ф.Н. Глинка втянут в судебные процессы, связанные с дележом наследства, и, рассчитывая на содействие, попытается вовлечь

П.А. Вяземского в разрешение тяжбы. В РГАЛИ сохранилось 12 писем Ф.Н. Глинки П.А. Вяземскому, датированных 1866 г., 1 письмо от 1867 г., 3 письма от 1869 г. и только 2 письма П.А. Вяземского Ф.Н. Глинке, относящихся к 1866 и 1868 гг. Ответные письма П.А. Вяземского, возможно, отложились в Государственном архиве Тверской области, где имеется коллекция материалов Ф.Н. Глинки (ф. 103), включающая в том числе и письма к нему разных лиц, в частности, Д.В. Давыдова, И.И. Лажечникова. Однако и материалы, находящиеся в РГАЛИ, – во многом представляющие только один голос в диалоге – дают понимание круга проблем, волновавших двух поэтов на закате их жизни.

22

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому⁷⁹
27 февраля 1866 г., Тверь

1866. г. Тверь. Февраль 27, воскресенье

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Вчера, всеми уважаемый здесь советник Е.А. Розов⁸⁰ доставил мне большую радость, вручив ваш подарок, дорогой для литературы и драгоценный для меня. Я, как дитя, обрадовался, во-первых, увидев ваш знакомый почерк, который, слава Богу, так же тверд и здоров, как и был; а стихи так и брызжут умом, остротою и свежестию. Ну, не поздор<ов>ится ж заморской тройке от вашей размашистой, бойкой, звонкокопытной русской тройки!⁸¹ Оставшись один, я стал перечитывать ваше прекрасное произведение, и у меня слилась с пера тоже тройка, да только бледный оттенок вашей. Не поют соловьи зимою, а около меня стужа и грусть! Душа зябнет и негде погреться! Ах, князь! На языке земном нет слов для выражения несчастья, поразившего меня разлукою с моею незабвенною для меня женою! В 34 года срослись сердца, слились души – и вдруг разлука!!! Нужно было религии целым морем пролиться на уязвленное сердце, чтоб пригасить огонь тоски. И что я теперь без нее?!⁸² Некогда и я составлял десяток, но моя золотая единица улетела... и я остался нолём! Тут же и приятели, почуяв мое сиротство, жадными вранами, коршунами налетели отнимать у меня святой дар жены моей. Из двух имений, *псковское*, имевшее некоторый оттенок родового, я отдал без спора, и теперь шакалы

дерутся между собою за добычу. Но другое (*орловское*) имение ни почему уже не могло подлежать какому-либо притязанию. Еще в прошлом столетии в тысяча сем<ь>сот девяностых годах продавалось за долги имение (орловское) некоего *Сомова*, купил его князь Гагарин, а у князя Гагарина (с помощью своего доброго опекуна) купила, на свои деньги, девица Долгорукая, потом г-жа Кутузова, моя теща⁸³. Этим купленным ею имением владела она спокойно *тридцать* лет и потом, когда жена моя, любившая своего брата⁸⁴, уступила ему свою девичью часть и вышла за меня замуж, мать, видя нашу бедность, подарила ей свое благоприобретенное имение (орловское), и жена моя владела им без спора 34 года и завещала мне. Завещание хранилось в С^т П^м Опекунском совете, утверждено палатою, и я введен во владение. Вдруг, откуда ни воз<ь>мись, явился к. Долгорукий, правнук Сомова. Это тот Долгорукой, который кудесил в Петербурге под названием «магнетизера»⁸⁵. За двоеженство⁸⁶ и еще не знаю за что он сидел в тюрьме, был судим и, по решению Гос. совета, лишен титула князя, всех прав личных и по состоянию и приговорен к ссылке в азиатские губернии России. Приговор утвержден государем и состоялся указ. Но доктор Вейтко смастерил у Суворова, который оставил приговоренного в Торжке. Туда разжалованный Долгорукий призвал Вейтко (поляка) и другого Мирошинского (поляка), служившего в Сенате и сохранившего там большие связи. Эти адвокаты-сутяжники начали процесс, закидали Сенат *частными* прошениями и, с помощью своих соотчицей (где ни глядишь: прокурор – *поляк*, секретарь – *поляк*, столоничальник и даже писцы *из поляков*) затуманили гг. сенаторов и наложили (на орловское) имение *опеку*, избрав в опекуны кого-то тоже с *польскою* фамилиею. Но обер-прокурор протестовал и дело пойдет в *Общее собрание*, авось там найдутся русские!

Я потому утрудил вас, князь, этим описанием, что Е.А. Розов сообщил мне, с какою теплотою вы, по собственному побуждению, вошли в мое положение. Я изложил дело коротко, а если позволите, адвокат мой (русский, не поляк) явится к вам и объяснит *всю суть* юридически. Но пора кончить! Я чувствую, что утомил вас. Да простит мне ваша нежная, поэтическая душа!

Примите, князь, уверение в совершенной и совершеннейшей к вам преданности и глубоком уважении, с которым имеет честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорным слугою

Федор Глинка.

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому⁸⁷

1 марта 1866 г., Тверь

1866. Тверь. Март 1^е

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Вчера, с одной стороны, обрадовавшись драгоценному подарку вашему, а с другой, увлекшись разговором о вас с Розовым, я, по изъясненному вами ко мне вниманию, описал вам мое горе, а забыл главное: забыл поздравить вас с тем, что происходило, – и происходило, конечно, к заявлению значения вашего в литературе, – 27го числа в Москве, при Университете⁸⁸. Впрочем, какие бы ни были заявления, ваше имя на современном и будущем горизонте всегда будет светиться звездой первой степени и первой величины. – Есть пословица: «Что у кого болит, тот о том и говорит!» – и я, испросив во вчерашнем письме у вас позволение, с настоящим письмом адресую к вам моего *адвоката*. Это г^н Сухоручкин⁸⁹, секретарь здешней Уголовной палаты, ученый юрист и ходатай по многим делам. Если благоволите принять его милостиво, он, в какую-нибудь четверть часа, объяснит вам все дело. Может быть, вам случится где-нибудь заложить слово – а ваше слово много значит! – за старого вашего почитателя, который, при глубоком уважении, еще сохраняет к вам и вашему таланту самую искреннюю, постоянную любовь. С желанием, конечно, разделяемым и Россиею, – чтобы Бог продлил жизнь вашу до *нового* юбилея, имеет честь быть

совершенно преданный Вам
Ф. Глинка.

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому⁹⁰

12 апреля 1866 г., Тверь

1866. г. Тверь. Апреля 12го

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Анна Николаевна Бакунина⁹¹ была у меня. Прилагаемое у сего⁹² ее письмо, лучше всякого объяснения, выскажет вам, в какой степени ей выяснилось ее собственное дело и отношения по нем со мною.

Было недоразумение: дело спутал и запутал не венецианский, а *московский* Бакунин⁹³. О нем, собственно, я и писал в первом моем письме. Мое же дело уже ушло из вида!.. Адвокат мой, смысленный и ученый (университетский), недовольно *практичен*. Понадеявшись на правоту дела, он опоздал, не был *лично* у Лёвшина⁹⁴; а противник *поляк*, чрез целый ряд других поляков по Сенатским канцеляриям, — *ускорил* доклад, и дело испорчено. Эти поляки, как черви, рассажены на самых чувствительных нервах и жилах (по палатам и судам) России⁹⁵. Но что я утруждаю вас рассказом о частном, когда общее горе (и какое!!) готово было поразить государство, и Бог (уж, конечно, Бог!) пременил печаль на радость, которая, от Невы до Дербента и Ташкента, охватила восторгом племена и народы⁹⁶. — Ужели и теперь рыцари «Земли и воли»⁹⁷ не образумятся?!.. Но, вероятно, это потрясение пробудит блюстительные силы и обратит их внимание на странствующих разносчиков смут и подстрекательств.

С отличным почитанием и совершеннейшею преданностию, имеет честь быть вашего сиятельства всепокорным слугою

Ф. Глинка.

25

Ф.Н. Глинка — П.А. Вяземскому⁹⁸

Середина апреля 1866 г., Тверь

Милостивый государь кн<язь> Петр Андреевич!

При всеобщем воспламенении России посогрелись сердца тверской публики, вообще довольно апатичной. Меня просили написать стихи, но время было слишком коротко, и я успел только написать несколько куплетов, которые, хоть, может быть, это и не стоило того, осмеливаюсь препроводить к вам. Ваша Тройка разъезжает по городу, уехала и в уезды⁹⁹. Москва в упоении; верно, и вы плаваете теперь в атмосфере всенародного торжества, вызванного громадным проявлением очевидного покровительства Божия государю и рост<ом> слившейся в одно чувство любви и преданности к нему¹⁰⁰.

Что за страсть теперь к навозу?

Любят грязь в стихи мешать;

А бывало, так и в прозу

Поэтическую розу¹⁰¹

Мы любили заплетать!¹⁰²

1866. г. Тверь. Мая 26го

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

«Есть слезы радости и скорби слезы». Это Вы сказали недавно¹⁰⁴, а вчера дали мне случай испытать всю сладость первых. И можно ли без слез благодарности вспомнить о том, чем вы вчера меня наградили! В десять лет не достигнешь того, что вы доставили мне в десяти минутах, введя и поставив пред лицом августейших особ, которые, отложив на минуту всё величие царственного сана, дозволили окружить себя семье местного народа¹⁰⁵. И как спешил, как бежал и со всех сторон сбегался этот народ, теснясь в галереях, карабкаясь на деревья, и всё для того, чтоб хоть раз взглянуть на светлое лицо государя! В самом деле, стечение народа было необыкновенное. Старожилы говорят, что подобное случилось только в тот день, когда покойный государь в *первый раз* проезжал по железной дороге¹⁰⁶. Но тогда могло привлекать иных любопытство; а теперь влекла чисто любовь, которая, лучше всех западных систем, мирит подвластных со властью и сближает подданных с государем.

На мою же долю выпала и запала мне в душу такая доля счастья земного, о которой я не смел и мечтать: потому, что не имел ни заслуги, ни права ожидать подобной. Я бы еще мог выразить честь, доставленную мне возможностью услышать изустный привет его императорского высочества в<еликого> к<нязя> Володимира Александровича¹⁰⁷; но на описание счастья быть представленным государыне у меня нет слов! По одному ее голосу мне сдалось, что каким-то чудом я вдруг очутился пред существом выше всякого идеала земного. В ее голосе, кротком, ласковом, было столько теплоты, столько святого, чистого, что выразить это может разве ваше поэтическое чувство в лучшие минуты своего вдохновения. – «Да!» – подумал я (и думаю и теперь) – не даром Провидение, так явно покровительствующее России, наделило государя такою супругою! Ее разум спокойный и светлый, ее благочестие, аромат молитвы ее, сливаясь с священным ароматом помазания, привлекают, конечно, стражей небесных для ограждения царя в его работах земных. А работ ведь довольно! Мы проходим пустыни Синайские, Палестина (наша будущность) уже в виду, но дела еще много; а делателей мало!

Так глубоко, так метко написанный рескрипт (Гагарину)¹⁰⁸ заставил бы задуматься над ним всех Семи греческих мудрецов; но каково будет исполнение? – Народы Европы – видите сами – зашли в глухие переулки и не знают, куда повернуться!..

Но что бы там ни было, а вы, так близко поставленные Провидением к государыне, берегите эту Розу Саронскую¹⁰⁹ и, как соловей (вам знакомой) Палестины¹¹⁰, утешайте ее песнию о идеалах высших, недоступных этой низменной современной материяльности!

Извините, князь, за мое многословие: чувство разыгралось и заговорило.

Повторяю в сотый раз чувства глубокого уважения и преданности, а на этот раз и благодарности к вам, с которыми имеет честь быть,
милостивый государь, вашего сиятельства всепокорным слугою

Ф. Глинка.

<P.S.> В адресе вам надписываю наобум, но вас верно найдут в Москве, как Боергава в Европе¹¹¹.

27

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому¹¹²

1 июля 1866 г., Тверь

1866. г. Тверь. Июля 1го

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Сегодня утром, только что взглянул я на Божий свет, мне подали, с почты, почтенно-полновесный пакет. По надписи я подозревал, а вскрыв <, > увидел ясно ваш дорогой мне почерк. Из двух стихотворений (уже мне знакомых) из одного (Кремль) посыпались искры бриллиантовых стихов; от другого (16^е апр.) повеяло чувствами не нынешней чувственной, а чистой сердечной поэзии¹¹³. – Ценил и ценю вашу поэзию; а сообщенный мне вами отзыв всемилостивейшей государыни ставлю выше всякой цены! – В этом отзыве каждое слово, каждая буква в слове будет для меня заветною, как в древних талисманах, и самый отзыв станет действительным талисманом утешения во всех случайностях моей жизни. – Простираясь мысленно пред освященными стопами государыни, я, еще прежде, думал: чем же могу возблагодарить ее за милостивое внимание ко мне беззаслужному? – Ум мой, с которым я советовался, ничего не мог мне сказать; а сердце

шепотом вымолвило: «Молись!», и я молюсь о ней в молитвах утренних, в мольбах вечерних.

Теперь дозвоьте сказать слово о начале вашего письма. За что вы так немилостиво отзываетесь о вашей праздности, которая дарит такими прекрасными плодами, как два вынутых из вашего пакета? Назовите ее скорее: созерцанием, отдыхом – субботою души.

Ужели захотите вторгнуться в эту главокружающую европейскую деятельность, в эту стукотню и сумятицу распадающегося Вавилона, в эту бойню братоубийственной распри, где так и видишь:

На туманном где-то поле
Шел сердито строй на строй,
С диким криком, в дикой воле
Будто тешился игрой;
А игра – убийство было:
Страшно там в очах светило,
Грозен был размах руки,
Копья длинные трещали,
И, разбитые, устлали
Поле мертвые полки.
И валялись мертвых груды
Как разбитые сосуды,
Из которых фимиам
Драгоценный испарился,
Бой и день к концу клонился;
Лишь местами, там и там,
Браноносно колесницы,
Утонув в крови до спицы,
Разъезжали по полям.

Это – если припомните – клочок из «Таинственной капли», которая, наконец, напечатана¹¹⁴; а была некогда, в рукописи, читана вам и Ф.Ив. Тютчеву мною и единственным другом моим Ав. Павл. у вас в доме. Тогда вы заметили, что это оттенок сражения Бородинского, за которое и вы получили орден и дружбу Милорадовича¹¹⁵. Но это всё «дела давно минувших лет»!¹¹⁶ А ведь битвы в Богемии¹¹⁷ реальные чуть ли не ужаснее моей фантастической! Сколько резни, сколько крови! И это в XIX-м столетии! – Нет, там совершается что-то апокалипсическое и потому лучше

Постоять в сторонке,
Чтоб в напасть

Не попасть
В общей перегонке!

Итак, в вашей плодотворной праздности празднуйте всероссийский праздник *помолвки* и будьте здоровы среди хворающей современности! Вот желания из глубины души вам преданнейшего

Ф. Глинки.

P.S. С к<нзем> Оболенским виделся¹¹⁸. Он сам к вам пишет. Если бы г^{жа}Хандрицкая¹¹⁹ прибыла в Тверь: здесь есть и действует основанное моею женою благотворительное дамское общество под названием «Доброхотной копейки»¹²⁰. Конечно, сборы копейшные, а *помогают* и рублями!

28

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому¹²¹
14 июля 1866 г., Тверь

1866. г. Тверь. Июля 14

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Ваше сиятельство выказали столько доброй воли благотворствовать мне, что я не затрудняюсь просить вас сделать для меня новое, может быть, для вас и затруднительное одолжение.

22^е число июля есть день памятный для России – день тезоименитства государыни императрицы¹²². Общею мыслию, общим чувством, даже общею молитвою народа и церкви будет в этот день наша всероссийская именинница.

По старому же русскому обычаю всякий ищет повода засвидетельствовать, чем кто может, чувство благодарности или усердия своей имениннице. Последний бедняк подносит заздравную просфору своему благодетелю.

Вот почему и я осмеливаюсь просить вас (вовсе не официально, а скромным, частным образом) поднести ее величеству в день ее ангела мою (знакомую вам) книгу. – Князь! Вы поверите, что *в эту книгу* положил я всю душу мою и эта душа (и под мертвою буквою) оживет и затрепещется, когда коснется до нее державная рука, к которой вы доставили мне счастье прикоснуться.

За эту книгу (прочтенную ему еще в рукописи) наградил меня самым радушным благословением высокопреосвященнейший митро-

полит Филарет¹²³. – Цензура той эпохи (по небывалости у нас религиозной поэмы) затруднилась пропустить рукопись: потому и была она напечатана в Берлине¹²⁴. Но старанием Ф.Ив. Тютчева разрешена для России и Комитетом общей цензуры одобрена и поступила уже к книгопродавцам¹²⁵. Итак, поднесением этой книги всемилостивейшей государыне вы запечатлеете длинный ряд одолжений, которые, конечно, всегда будет помнить

глубоко уважающий вас,
вашего сиятельства усердно преданный вам слуга
Ф. Глинка.

29

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому¹²⁶

30 июля 1866 г., Тверь

1866. г. Тверь. Июля 30го

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

С глубочайшим благоговением и признательностью, для которой не нахожу выражения, принял я – из письма вашего сиятельства, сегодня полученного, – высочайшие слова всемилостивейшей государыни нашей. В этих словах столько милости, снисхождения и благодати, что я перечитывал их в каком-то трепетном оцепенении и не осмеливался даже поверить вполне, что они ко мне относятся. Царь небесный, поручая народы царям земным, ополчил их грозой и милостию: одна утверждает послушание внешнее, другая – проникает глубоко в души и зарождает в них то святое чувство преданности, которым искони отличался народ русский. Так в общем устройстве вещей, так и в случаях частных. И если грозный взгляд короля французов мог уничтожить Расина¹²⁷, то, судите, что же, в обратном смысле, может сделать милостивое слово всероссийской императрицы?! И вот это слово жизненное, светлое и воодушевляющее, пало на почву глубоко признательной души моей, и никому не выдаст душа моя этого неоцененного сокровища! Мой собственный такт тотчас угадал, что письмо ваше не вполне официальное. Такие письма хранятся как заветные грамоты, – хранятся, но не выказываются.

Бывает сон, видение бывает:

Вдруг вся душа, вспрынув, сыграет в нас

И далеко за звезды улетаёт

И видит то, чего земной наш глаз,
В земном быту, не видит и не знает –
Но, принося с собой воспоминанье,
О виденном хранит глубокое молчанье!..

Извините за рифмы! Продолжать буду обыдённую прозою, даже и по пунктам:

1.

Передать ваш сердечный поклон успел только вполтину: княгиня Оболенская¹²⁸ уехала в деревню со всеми детьми.

2.

О заботливости Вашей я сказал князю¹²⁹, а он показал мне донесение исправника, из которого видно, что покровительствуемая вами¹³⁰ собирается приехать в Тверь; а этого только и ждем.

3.

О незабвенном Н.М. Карамзине у меня много воспоминаний. Постараюсь снизить их с нитки моей памяти (восточное выражение) и доставлю вам¹³¹.

4.

Анна Николаевна¹³² в Москве заключает сделку с тамошним Бакуниным: Венеция ведет дипломатические переговоры с Москвою¹³³.

Вот и всё, что я сумел отвечать на драгоценное письмо вашего сиятельства от 26го июля.

При удобном случае повергните меня к освященным стопам государыни нашей и примите уверение, князь, в глубоком уважении, с которым имеет честь быть к вам покорнопреданнейшим слугою

Ф. Глинка.

30

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому¹³⁴

11 августа 1866 г., Тверь

1866. г. Тверь. Августа 11го

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Вы совершенно поставили меня в тупик! Говорю «вы» потому, что, без сомнения, по ходатайству вашего сиятельства, получил я новую милость государыни императрицы. Вчера здешний почтамт передал мне пакет (от секр. Мориц¹³⁵) с выражением высочайшего,

всемиловитейшей государыни нашей, *благоволения*, ознаменованного и матерьяльным знаком: драгоценною для меня табакеркою. – Вот я, как сказал, и поставлен в тупик: ищу, приискиваю и не нахожу слов для выражения беспредельной благодарности моей ее величеству за столь милостивое и столь неоцененное для меня высочайшее ее внимание. И это внимание, и дар ее сохраню я как памятник проблеснувшего счастья в этой эпохе моей жизни. Хотелось бы сказать и высказать более, но я испытываю, в настоящую минуту, на деле, что уста молчат, когда душа переполнена. – Скажу разве о посещении их императорскими высочествами нашей Твери¹³⁶. Они у нас были, и Тверь не могла наглядеться на них! Не знаю, как приглянулось им у нас? Наполеон 1^й учился у Тальмы позам и приемам, чтоб являться перед публикою¹³⁷. Но наши высокие гости, не нуждаясь в уроках Тальмы, ничего не теряли из своего достоинства, дав волю своей доброй натуре и счастливому чутью, какое вложил в них Бог. Из-за величавой осанки и поступи просвечивало самое радушное русское лицо у государя-наследника, и разговор его был дельный, размеренный и всегда кстати. А Владимир Александрович, с обаянием юности и с блестящими умами, соединял необыкновенный такт и, при всяких овациях, стушевывался и становился на второй план, относя всё к полудержавному брату. И эта скромность в одном и легкий оттенок застенчивости в другом, как и привлекательное обхождение обоих, вообще понравились. Им как будто знакома была поговорка Генриха IV^{го}: «Одною ложкою меда сманишь более мух, чем целою бочкою уксуса». – Зато целый город за ними ходил, и прекрасная память о них останется надолго в городе.

Но вот я уж вышел из всех пределов письма, которое могло бы не утомить вас, а потому и спешу, многоуважаемый князь, поблагодарить вас за всё и всё и уверить в укорененной к вам преданности, с которою имеет честь быть

вашему сиятельству

всепокорным и верным слугою

Федор Глинка.

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому¹³⁸

31 августа 1866 г., Тверь

1866. г. Тверь. Августа 31

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Получа письмо с приложениями от вашего сиятельства, я прежде всего схватился за *желтые книжечки*¹³⁹. Стих. «Москва» – произведение поэтическое и патриотическое¹⁴⁰. Но от *железной дороги* так и повеяло золотым веком классической древности! –

Счастлив, кто в сумраке дубрав уединенных...¹⁴¹

Прочтя эти сладкозвучные стихи, так и видишь пред собою тени Лебеда Мантуанского¹⁴², Горация и проч., расхаживающих под сению цветущих рощей и напевающих в эклогах и идиллиях мудрость, зачерпнутую прямо из природы и тогдашнего житейского моря¹⁴³. Почему бы, кажется, людям и не жить так мирно и смирно, дыша воздухом хоть смолистых сосен и ароматом скошенного сена? Но...

Странная вещь, непонятная вещь,
Отчего человек так мятежен?!¹⁴⁴

Кристалл и музыка ручьев,
И тиховейные зефиры,
И цитры звук, и песни лиры
Про мир и дружбу и любовь –
У нас считаются набором пошлых слов!..
А ведь и сельские труды и пашни,
Времен величественный ход,
Родной приют и быт домашний,
В венке лавровом, Гезиод
Певал – и слушали *народы*...
Но это, нам твердят, уж забытые годы!..
А нам давайте свежины,
Наместо дружбы и любви,
Поболе ссор, побольше крови,
Измен, и бунтов, и войны,
Орудий смертоносных *новых* –
Мортир и ядер стофунтовых;

А слово «мир» – пустой лишь звук:
Вот вам и век прогресса и наук!!!

Мудрость и совесть, и нравственность заменил этот век (сеющий ветер и пожинающий бури) своекорыстными стремлениями... Вот почему и отвратительна гроза людских страстей. Ложь – и часто самая наглая – засела в красный угол и глядит на всех хозяйкою, и людей морочит она уловками и почти всегда ловко, т. е. удачно:

Случайно он, рукою *ловкой*,
Задел народную струну...–

и пошел... и пошел... оттого:

И правда самая – есть *ложь*! –

это ведь так и бывает у тех, про кого говорит пословица: «На *грош* амуниции, а на *рубль* амбиции». – Ответив на стихотворения ваши, я отвечаю теперь на самое письмо *по порядку* его содержания.

Вы спрашиваете: «Нюхаю ли я табак?» – Нюхаю, но разве есть на свете табак, который удостоился бы чести поместиться в такой табакерке?! Я просто люблюсь на нее поглядом¹⁴⁵, как на нечто заветное. – О великих князьях я написал мало, а здесь, и по отбытии их, говорят о них много и с любовью. – На почтенное отношение Мориц<а> я отвечал *тогда же*, конечно, *официально*. – Вы спрашиваете: «Катковист¹⁴⁶ ли я?» – Менее, чем кто-нибудь. Стоя на твердой почве опыта, вычерпнутого из жизни, я, слава Богу, не увлекаюсь этим потоком, кипящим и шипящим – с его весенним илом и наносом. Если б я был знаком с ним (да где ж? – его теперь рукой не достанешь!), я сказал бы ему:

Если хочешь жить легко
И быть к небу близко,
Держи *сердце* высоко,
А *голову* низко!..¹⁴⁷

Но в том-то и беда, что г^н NN держит свою очень высоко, забыв давнюю пословицу:

Сатана гордился —
С неба свалился;
Фараон гордился —
В море утопился;
А нам гордиться
Никуда не годится!¹⁴⁸

Кто ж не видит, что в наше время мелькает много странных и грустных явлений и, конечно, можно сказать и теперь, что я написал в 1848^м году:

Настали грустные годы
С предчувствием каких-то бед:
Везде гуляют Кателины¹⁴⁹,
А Цицерона нет как нет!!!

Но это у одних ли нас? Один из авторитетов Европы сказал: «Сердца наши пусты; умы стремятся к какой-то беспредельной мрачности, и *правды* нет в нас. Предавшись злобному духу *неверия*, мы удаляемся от всего *существенного*. Кажется, благодетельный гений Европы отвратил от нее лицо свое — и плачет!!!»

Князю Оболенскому доставил я Стихотворения ваши. — И я ожидаю г-жу, имеющую прибыть в Тверь, и постараюсь убрать ей комнату.

Заключение письма вашего сиятельства усладительно! — Некогда Виргилий читал поэму свою супруге Августа; а вы, мой Виргилий, читали мою смиренную поэму пред августейшею монархинею громаднейшей в мире империи! — Да благословит (благоговейно славимый в поэме моей) Христос венценосную слушательницу! — А я, мысленно, простираюсь у освященных стоп всемилостивейшей государыни моей.

Благодарю и вас, всегда уважаемый князь, за доставление мне утешительнейших вещей, имею честь быть, с неизменной преданностью, вашим покорнейшим слугою

Ф. Глинка.

P.S. Я получил премилое письмо от Анны Николаевны¹⁵⁰ из Серпухова. Москва (как я и предполагал) хотела *провести* Венецию! Но Венеция смекнула <,> и сделка не состоялась.

Достопочтенный Фокс¹⁵¹ прислал мне свою карточку (и как похож он на ней!) с своим автографом.

32

П.А. Вяземский – Ф.Н. Глинке¹⁵²

25 октября 1866 г., Царское Село

Царское Село

25 окт. 1866 г.

Я давно у вас в долгу, любезнейший и почтеннейший Федор Николаевич, но, благодаря Бога, этот долг мой лежит у меня не на сердце, а только на поясище. Вот уже три недели, что я страдаю от простудной ломоты или, как говорится, от *лумбаго*¹⁵³. И ходить, и сидеть, не только что писать, было больно. Теперь думаю переехать в город на предстоящие свадебные торжества и празднества. Не хочу брать долг с собою на дорогу, и спешу благодарить вас за последнее письмо ваше и воспоминание о Карамзине¹⁵⁴. Передал я их в академию Гроту, учредителю назначаемого юбилея¹⁵⁵. Позднее буду писать вам на досуге, а теперь прошу принять уверение в моей сердечной и неизменной преданности.

Вяземский.

33

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому¹⁵⁶

Конец октября – ноябрь 1866 г., Тверь

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Утешительное и почтенное письмо ваше (от 16го) имел честь получить с приложениями. Если б можно было обмокнуть перо (вместо чернил) в чувство, то я лучше бы выразил вам благодарность мою за старание ваше о моих стихах. Вы их одобрили, – это для меня уже очень много. Но не останавливаясь на этом, вы прочли их государыне, значит, дело вашей заботы и моих лучших желаний увенчано. Провидение вело, проводило и довело (хотя путем роз и терний) до того, чтоб еще на земле благоухала она небом. У таковых Бог созидает *новое* сердце, но, чтоб ему обновиться и стать чистым (уввы!), его омывают в соленых и горьких водах испытания! А сколько ж горького

пережила государыня! Потери, бури, тревоги пронесли мимо ее, конечно, не без влияния. Зато новая наша звезда – Мария¹⁵⁷ – может смело и доверчиво глядеться и вглядывается в душу своей новой матери, изучать ее и, если уподобится ей, то Россия (также *испытываемая*) пройдет спокойно чрез все ступени своего высокого назначения. – Отвечая по порядку на письмо ваше, я останавливаюсь на сделанном мною вам поздравлении. Да это сделал бы и всякий, кто вас знает. Уж вы не можете сказать, что немного видели, слышали, знали и даже испытали! А Св. Писание говорит: «Испытанный может помогать испытываемым!»¹⁵⁸ А разве есть теперь кто-нибудь не испытываемый, и потому-то испытанные очень дороги!

Потому ж и я не беру назад своих слов и присоединяю еще к ним усердное желание, чтоб Бог подкрепил вас на новом вашем пути и чтоб голос ваш был буквою гласною, осмысливающей ряд букв молчащих и смалчивающих.

С глубокою преданностию и вам известным уважением – имеет честь быть вашего сиятельства покорносердный слуга

Ф. Глинка.

34

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому¹⁵⁹

5 мая 1867 г., Тверь

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Любезный Свербеев¹⁶⁰ передал мне ваше прекрасное, умилительное стихотворение «Тому сто лет»¹⁶¹ и тем доставил наслаждение иметь его всегда перед глазами. Я хотел особо благодарить ваше сиятельство; но теперь, пользуясь отъездом к. Мих. Александровича¹⁶², присоединяю к живейшей благодарности и покорнейшее прошение; а в чем оно состоит, изволите увидеть из прилагаемого. Знакомый почерк напомнит вам знакомого и любимого человека – П.Я. Чеодаева¹⁶³. Аутограф¹⁶⁴ его объяснит и самое дело. Некогда жена моя, в качестве дамы посетительницы бедных, имела (в Басманной части) девяносто бедных семейств и, стараясь изобрести всевозможные средства к улучшению их быта, написала проект¹⁶⁵ для составления дамского общества «Доброхотной копейки». – Петр Яковлевич ходил к нам часто, полюбил этот проект и перевел его на французский язык

с целью сообщить иностранной прессе. Известный филантроп Газ¹⁶⁶ принялся также с жаром за это дело, и общество уже начинало составляться еще в Москве. Но переселение наше в С^т Петербурги <,> наставшие военные и другие обстоятельства остановили ход дела. В Твери только осуществилось предприятие. Двенадцать дам, жены и дочери почетнейших в городе лиц, соединились в смысле проекта, приняли его в руководство, испросили разрешение местного начальства, сообщились с редакциями журналов и, с особенною энергиею, стали навещать различные части города. Тогда рассеялся туман отчуждения, заслонявший подпольные и чердачные приюты, и заботливое внимание доброхотных благотворительниц проникло в забытые тайники нищеты.

Председательницею общества «Копейки» избрана была моя жена, а по кончине ее – княгиня А.А. Багратион¹⁶⁷, которая и по сие время остается в этом звании. – В три года своей неустанной деятельности общество принесло городу всеми сознанную пользу и, удовлетворяя нуждам бедных, составило и у себя основной капитал в тысячу руб. серебром. Но вдруг вся эта самая благонамеренная деятельность остановилась! Эту деятельность *затормозило какое-то общее, валовое*¹⁶⁸ *предписание министра об обществах, не допускаемых* (какие бы они ни были) *без разрешения министра внутренних дел*.

И вот, вы угадываете предмет, по которому утомляю вас таким длинным письмом. Заставьте благословлять ваше имя в тверских захолустьях – попросите министра, чтоб он благоволил разрешить существование в г. Твери благотворительного дамского общества под заглавием «Доброхотной копейки для бедных».

С глубоким и постоянным уважением к особе вашего сиятельства, имеет честь быть вашим, милостивый государь, всепокорным слугою

преданнейший Ф. Глинка.

г. Тверь. 1867 года. Мая 5го

Ф.Н. Глинка – П.А. Вяземскому¹⁶⁹

11 июня 1867 г., Тверь

1867. Июня 11го. г. Тверь.

Письмо Ваше (от 4го июня) и приложенную справку, деловую и дельную, имел честь получить. Не знаю, как благодарить вас, многоуважаемый и любимый князь! Многие, входя в вельможи, выходят из людей! Но вы всё остаетесь человеком и человеческим. Справка возымела свое действие. Я показал ее к. Багратиону¹⁷⁰ <,> и дело, кажется, подвинется. – Итак, государыня уже на пути в Крым!¹⁷¹ Конечно, есть от чего бежать из Петербурга, особенно в нынешний бурно-ледянистый год. Бог отнял весну у природы, да не стало ее и у молодого поколения, прямо вступающего в зной страстей и тревоги засушенной жизни. Все потеряли свой май, а всё маятся!

Последние холода объясняются огромными глыбами льда, отделяющегося от Северного полюса; но чем объяснить эти страшные разураганившиеся бури по всем (как видите из газет) местам? А чем объяснить неожиданное повторение покушения?!¹⁷² Рука Божия, видимо, осязательно охраняла главу помазанника! – Я увлекся и, размышляя о событии, написал думу, которую Погодин напечатал в своем «Русском»¹⁷³. Взгляните и не осудите! – Вы, князь, изволите говорить о вашей карточке, которую я желал и желаю иметь; но, к сожалению, никто, никогда не отдавал мне этой желаемой карточки!

Еще раз, благодаря за письмо и справку, кланяется вам поясным поклоном глубоко уважающий вас и преданнейший вам

Ф. Глинка.

П.А. Вяземский – Ф.Н. Глинке¹⁷⁴

14 августа 1868 г., Царское Село

Царское Село, 14 авг. 1868

Милостивый государь Федор Николаевич!

Имел я счастье поднести ваши стихи государю цесаревичу, который прочел их с сочувствием и удовольствием и приказал мне выразить вам за них свою особенную благодарность. Он соизволил раз-

решить их напечатание. Вследствие чего посылаю их нашему благо-приятелю «Русскому»¹⁷⁵. В нем недавно были напечатаны стихи Тютчева и мои¹⁷⁶. Следовательно, вы будете не на чужой стороне, а между своими.

Очень я рад, что дошла до вас моя карточка; но очень жалею, что не сам мог я до вас дойти.

Железная дорога неумолимо держит нас в своей колее, и на чувства и на желания налагает свою железную цепь. Хоть тресни, а сиди и катись. <В> блаженные времена, когда носилась «тройка удалая вдоль по дорожке столбовой»¹⁷⁷, я не проехал бы мимо Твери, не побывав у Вас, любезнейший и почтеннейший Федор Николаевич, мой если не *собутыльник*, то *сочернительник* и современник дорогой. Мы с вами живые допотопные окаменелости, опаленные и закаленные московским пожаром 1812го года¹⁷⁸. И теперь в пожарах нет недостатка, но ничего нет в них ни поэтического, ни героического. И здесь мы окружены огнем и дышим дымом и гарью. Не знаю, с чего взял Погодин, что он собирается издать все мои сочинения¹⁷⁹. Был у нас с ним разговор о том, что надобно было бы мне всего себя выпечатать. Но едва ли ныне удобная к тому пора: и поздно, и рано.

Поздно, потому что много из написанного мною не имело бы современного интереса. Рано, потому что еще не родилось поколение, которое полюбопытствует узнать и изучать то, что мыслили, чувствовали и говорили отцы. Дай Бог много лет здравствовать и разживаться вашей «Доброхотной копейке». Научите меня, как приложить к ней и свою лепту? А между тем, я писал княгине Мещерской¹⁸⁰ и спрашивал ее, нельзя ли подвести под вашу «Копейку» нашу несчастную Кодрацкую¹⁸¹. Вы положили бы начало этому доброму делу, а после можно было бы привлечь к нему и других. Здесь летом пора глухая, а в отсутствии двора и подавно. Стало быть, здешние сборы должно отложить до осени. Надеюсь, что Вы откликнитесь малою толикою на приглашение купить дом Жуковского в Белёве¹⁸².

Будьте здоровы и продолжайте бодрствовать делом и словом, прозою и стихом. Неизменно и сердечно вам преданный

Вяземский.

Кажется, Греч, не тем будь помянут, многое наврал в записках своих, напечатанных в «Русском вестнике»¹⁸³. Не пробудите ли вы голос, что восстанавливает истину?

1869. г. Тверь. Мая 9го

Расправа с праздничными суэтами в Твери и опасение обеспокоить вас во время праздничной обстановки в С^т Петербурге – причиною тому, что я по сию пору не отвечал на письмо ваше (от 16го), достойноуважаемый князь! Во всяком случае, я благодарю вас за письмо ваше, которое, впрочем, как старинная русская двойная фляга, с одной стороны, напоило меня вином сладким, а с другой – настоем горьковатым. – Пора вам, многоуважаемый князь, привыкнуть к значению вашего таланта, который давно уже стоит выше всяких будильников самолюбия. Я, в письме моем, выразил только ощущения минуты тотчас по прочтении вашего печатного мне подарка. Точно так же отзывался я и давно, бывало, когда Чеодаев (загляните в бумаги его) присылывал мне ваши стихи. Кто ж теперь напишет некрологов? Но эти писания с их официальными костюмами, с заучёнными или обыдёнными фразами, порой и блестящие, но холодные (и лед блестит!), с протянутою внутри, и то полинялою, шелковинкою жизни, – эти писания никого не трогают, никого не умиляют. А вам кто ж велел наполнить ваше (о гр. Бобр<инском>¹⁸⁵) сказание светом, жизнью, толком и заставить меня (постороннего человека) полюбить и помянуть покойного, которого никогда не знал лично.

Итак, на меня, князь, не гневитесь, а лучше благосклоннее к себе, в свой талант всмотритесь! – Вот и «Памяти Норова»¹⁸⁶ (да теперь уж хвалить не смею!) читал и читаю... – Письмо ваше заключили вы с обычною благодушию вашему ласкою, на которую опираясь, я (хотя со страхом и трепетом) посылаю вам 1^й том моих духовных гласов и возгласов¹⁸⁷. Я никогда не хотел затевать совокупного издания моих рассеянных вещей, но Погодин настоятельно настоял и выдал, как изволите видеть, уже первый том!

С отличнейшим почитанием и глубокою преданностию, имеет честь быть вашего сиятельства всепокорным слугою

Ф. Глинка.

Эта книга (Жизнь Богор<одицы>) в продолжении VI^{ти} изданий продавалась по *три* рубля *серебром*, а при исходе каждого издания книгопродавцы возвышали цену до *пяти* целковых. Значит, книга была недоступна народу. – Я просил Погодина изобрести средство *удешевить* книгу донельзя: не для дохода, а для расхода – для доброго русского народа – и в этом успели: книга в 20 лист<ов>, на хорошей бумаге и с новыми *прибавлениями* продается теперь (вместо 3^х и 5^{ти} рублей) по 13 копеек!

Достопочтенный, много и постоянно уважаемый князь Петр Андреевич!

Княгиня С.В. Мещерская¹⁹⁰, и в дни Великого поста, сделала для меня праздником день, в который вручила мне *новое* произведение ваше. Я прочел, стал в тупик и опустил руки... И это всё оттого, что дивисься и не знаешь, что сказать! Стихи ваши выше всякого удивления; но откуда ж взяли вы такую знаменательную, такую насквозь пропитанную умом и цельностию прозу и, вдобавок, прозу русскую без переводных иноязычных фраз? Среди нынешней журнальной болтливости ваши статьи выдаются крупными жемчужинами, и потомство снижет из них ожерелье для русской словесности, когда она станет русскою и изящною¹⁹¹. – После этого как сметь бы послать что-нибудь вам? – Но я, разосмеленный многолетнею вашею снисходительностию, посылаю вам книгу и книжечку.

Жена моя, по какому-то роковому предчувствию, незадолго до кончины, собрала и переписала свои рифмованные думы, молитвы, вздохи, говор сердца, излияния души – оттого и назвала их думами задушевыми. Ей желалось, чтоб взгляд ее на жизнь, ее мирозерцание, – были бы только достоянием ее друзей; я так и сделал, напечатав

небольшое количество экземпляров¹⁹². Но вы, князь, так были уважаемы, так высоко ценимы покойною, что я решился включить и вас в число немногих, имеющих получить ее книгу.

В *книжечке*, посылаемой с книгою¹⁹³, первая статья также принадлежит покойной. Другая — моя статья: это рассказ о каком-то дивном существе, встретившемся с нами в лице странницы. Первый, кому я прочел схваченные с точностью стенографа слова ее, был нынешний митрополит Исидор¹⁹⁴. Он изумился простоте изложения самых высоких истин религии и, собственною рукою, списал записанное мною. От него разошлось как-то множество списков по рукам — и Оскоченский¹⁹⁵, схватив налету один из таких списков, напечатал у себя. — Вот сколько — и всё великопостных вещей — придут нарушить настроение (думаю, совсем невеликопостное) вашей петербургской жизни!

Простите и примите удостоверение в том, что, конечно, считаете достоверным: в глубоком уважении и преданности, с коими имеет честь быть вашего сиятельства всепочкорным слугою

Ф. Глинка.

* * *

Как видим, вопросы личностных и творческих взаимосвязей П.А. Вяземского и Ф.Н. Глинки, не становившиеся предметом отдельного научного исследования, а лишь затрагивавшиеся в трудах, посвященных Вольному обществу российской словесности, взаимоотношениям П.А. Вяземского и А.С. Пушкина, Ф.Н. Глинки и Ф.И. Тютчева и т. д., заслуживают самого пристального внимания. Первым этапом работы должно стать максимально полное введение в научный оборот материалов переписки П.А. Вяземского и Ф.Н. Глинки, разыскание которых должно быть продолжено, в т. ч. в Государственном архиве Тверской области. Эпистолярные материалы, охватывающие (с перерывами) полвека русской жизни, позволяют не только дополнить биографии поэтов неизвестными ранее фактами, но и лучше понять атмосферу, в которой создавались художественные произведения П.А. Вяземского и Ф.Н. Глинки, увидеть причины, побуждавшие писателей обращаться к тем или иным темам в своем творчестве.

Примечания

1. Цитата из стих. П.А. Вяземского «Я пережил» (1837).
2. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 602. Л. 1 – 1об. В официальном письме сообщается об избрании П.А. Вяземского 27 сентября 1820 г. почетным членом Вольного общества любителей российской словесности. Письма публикуются с учетом правил современной орфографии и пунктуации, в частности, исправлены окончания прилагательных, причастий и местоимений, упорядочено написание глухих и звонких согласных, унифицировано написание союзов и союзных слов, наречий и частиц, но при этом сохраняется архаичная и просторечная лексика, отражающая специфику языка эпохи и яркие особенности индивидуальных авторских стилей П.А. Вяземского и Ф.Н. Глинки.
3. Вольное общество любителей российской словесности существовало в Петербурге в 1816–1826 гг. Ф.Н. Глинка являлся одним из основателей общества, а с 1819 г. – его председателем. В состав общества входили литераторы разных направлений, в частности, его действительными членами являлись А.А. Дельвиг, Е.А. Баратынский, В.К. Кюхельбекер, К.Ф. Рылеев, П.А. Плетнев, Н.И. Гнедич, О.М. Сомов, М.Н. Загоскин, И.И. Лажечников, Д.И. Хвостов, Н.И. Греч, О.И. Сенковский, Н.А. Цертелев, А.Е. Измайлов и др. В общество также принимались почетные члены, среди которых были, наряду с П.А. Вяземским, И.М. Долгорукий, А.С. Шишков, А.И. Тургенев, Н.И. Тургенев, И.А. Крылов, В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, М.Т. Каченовский, Н.М. Карамзин, А.А. Шаховской, А.Х. Востоков, А.Ф. Воейков, Ю.А. Нелединский-Мелецкий и др. О деятельности общества см. в монографии В.Г. Базанова [Базанов 1949].
4. Журнал – «книга или тетрадь для регулярной записи событий, решений, постановлений и т. п.» [БАС 2004–2024, т. 5 (2006), с. 688].
5. Т. е. при этом письме.
6. РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 1 – 1об.
7. «Я сделал немного хорошего, это мой лучший труд» (фр.). См.: Voltaire. *Épître* CII. A Horace. 1771 [Voltaire 1785, p. 257].
8. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 632. Л. 1–1об. Данное письмо, хотя и не подписано Ф.Н. Глинкой как председателем Вольного общества любителей российской словесности, включено в состав данной публикации как дополняющее представление о взаимодействии ВОЛРС и П.А. Вяземского. Поэт, переводчик «Илиады» Гомера Н.И. Гнедич (1784–1833) в момент написания письма являлся помощником председателя ВОЛРС. Андрей Афанасьевич Никитин (1794–1859), литератор, один из основа-

телей и секретарь Вольного общества любителей российской словесности. Был другом Ф.Н. Глинки, который посвятил ему свою поэму «Дева карельских лесов» (1828). Наряду с Ф.Н. Глинкой, А.А. Никитин деятельно участвовал в масонской ложе «Избранного Михаила», в 1821–1822 гг. был ее обрядона начальником [Карпов 1999, с. 304].

9. И.И. Дмитриев был избран попечителем Вольного общества любителей российской словесности в 1818 г. Возникновение идеи нового собрания его стихотворений так описано в самом этом издании: «Иван Иванович Дмитриев предложил <...> напечатать новое издание сочинений своих, для обращения вырученной тем суммы на благотворение...» [От СПб ВОЛРС 1823, с. LI].

10. С просьбой о подготовке статьи, посвященной И.И. Дмитриеву, Н.И. Гнедич обратился в письме к П.А. Вяземскому 15 августа 1821 г.: «Вы, милостивый государь, как близко знакомый с почтеннейшим автором, более, нежели кто-либо, знаете главнейшие черты жизни его, а как литератор, отличающийся тонкостью вкуса, более другого чувствуете красоты его произведений и характер, их отличающий. Комитет питается приятною надеждою, что талант ваш, в сем роде испытанный, составит лучшее украшение изданию» [Гиллельсон 1982, с. 315]. Над статьей «Известие о жизни и стихотворениях И.И. Дмитриева» П.А. Вяземский (по просьбе ВОЛРС) активно работал в октябре–декабре 1821 г., о чем сохранились эпистолярные свидетельства, например: в письме П.А. Вяземского к А.Ф. Воейкову от 19 октября 1821 г. – «выпроси у Н.И. Греча формуляр жизни и службы Ив. Ив., самым автором ему доставленный»; в письме Н.М. Карамзина к П.А. Вяземскому от 21 октября 1821 г. – «Вы требуете материалов для биографии Ивана Ивановича; это не легко на письме. Предложите мне вопросы: буду отвечать на них; или пришлите, что напишете: могу сделать некоторые замечания»; в письме П.А. Вяземского к М.Ф. Орлову от 10 ноября 1821 г. – «занимаюсь по просьбе одного петербургского общества известием о жизни и стихотворениях Дмитриева. Если ты был доволен моим Озеровым, то надеюсь, что еще будешь довольнее моим Дмитриевым. И на просторе и на досуге развернулся, многое не договорил, на иное намекнул. Недели через две, кажется, должен отделаться» [Сукайло 2010, с. 517, 519]. В середине декабря 1821 г. «Известие...» было отправлено Н.М. Карамзину, который вернул рукопись биографии (за исключением последней ее части, осевшей у Д.Н. Блудова) с письмом от 29 декабря 1821 г. с многочисленными пометами [Сукайло 2010, с. 524]. В январе 1822 г. продолжалась переписка вокруг «Известия...»: в письме П.А. Вяземского А.И. Тургеневу от 2 января 1822 г. – «Что за неправильность находишь ты в моем Известии?

Его читал и перечитывал Иван Иванович. Грубых ошибок быть не может»; в письме Н.М. Карамзина П.А. Вяземскому от 5 января 1822 г. автор сообщил адресату, что дочитывает «последние тетради о Иване Ивановиче». 20 и 24 января А.И. Тургенев возвратил Вяземскому его рукопись частями. 30 января Вяземский поблагодарил А.И. Тургенева за присланную рукопись и замечания [Сукайло 2010, с. 527–529].

11. В письме от 30 января 1822 г. Вяземский сообщил А.И. Тургеневу: «...всё еще вожусь с Тончи, которого уговариваю писать портрет Ивана Ивановича, а о портрете с бюста Дмитриев и слышать не хочет» [Остафьевский архив 1899, с. 243]. Сальваторе Тончи (в России – Николай Иванович Тончи; 1756–1844) – художник, график, музыкант и поэт итальянского происхождения, работавший с 1795 г. в Петербурге, с 1800 г. и до конца жизни – в Москве. 20 февраля 1822 г. Вяземский просил А.И. Тургенева передать Н.И. Гнедичу, что Тончи вчера (т. е. 19 февраля) «начал портрет Дмитриева» [Остафьевский архив 1899, с. 246]. Из записки И.И. Дмитриева П.А. Вяземскому от 28 апреля 1822 г. следует, что к этому времени работа художника была завершена: «Наконец препровождаю к Вам, почтенный и любезный князь Петр Андреевич, работу г. Тончи. Оба просим вас отписать Н.И. Гнедичу, что звезды должны остаться и по отпечатании на той же стороне, на которой теперь написаны» [Сукайло 2010, с. 533]. Во второй половине мая 1822 г. Вяземский сообщил в письме А.И. Тургеневу, что отдал А.Я. Булгакову для пересылки к нему портрет Дмитриева, написанный Тончи. 28 мая 1822 г. А.И. Тургенев ответил Вяземскому, что доставил Н.И. Гнедичу портрет Дмитриева [Остафьевский архив 1899, с. 254, 256]. К тому же времени (весна 1822 г.), вероятно, относится записка Дмитриева Вяземскому, неточно датируемая ее публикаторами 1823 годом: «Я больше доволен им <портретом работы Тончи>, любезнейший князь, нежели надеялся. Мне кажется, он сходнее Геренева и не уступает ему в искусстве, но кажется, что морщин у меня меньше (простите моему самолюбию), или они для меня не так приметны. Тысячу раз обнимаю вас и благодарю за все ваши заботы меня увековечить. Попросите Гнедича, чтоб прислал ко мне 6 оттисков на лучшей бумаге» [Письма Дмитриева к Вяземскому 1898, с. 154]. «Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева» (Издание шестое, исправленное и уменьшенное. СПб.: тип. Н. Греча. 1823. Ч. 1–2) вышли в конце 1823 г., о чем сообщили «Соревнователь просвещения и благотворения» [Стихотворения И.И. Дмитриева 1823, с. 217–220] и перепечатавший информацию из него «Сын Отечества» [Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева 1823, с. 180–183]; в первой части был помещен исполненный Тончи и литографированный В.И. Погонкиным портрет Дмитриева [републикацию см.: Морозов 1913, табл. СLII].

12. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 1.

13. В письме Ф.Н. Глинки и А.А. Никитина П.А. Вяземскому от 22 января 1823 г. месяц его написания обозначен как *генварь*; аналогично и в других письмах (см. письма № 5, 7, 8, 10).

14. «Соревнователь просвещения и благотворения» – литературный журнал, издававшийся Вольным обществом любителей российской словесности в 1818–1825 гг. [Иваницкая 2012, с. 57–65].

15. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 2 – 2об.

16. «Известие о жизни и стихотворениях И.И. Дмитриева» было завершено П.А. Вяземским еще в конце 1821 г. и затем, после прочтения Н.М. Карамзиным, Д.Н. Блудовым и А.И. Тургеневым, внесшими свои правки, передано в ВОЛРС. 2 октября 1822 г. состоялось заседание ВОЛРС, на котором была обсуждена рукопись Вяземского; также на этом заседании обсуждались дума К.Ф. Рылеева «Дмитрий Донской» и стихотворение П.И. Шаликова «Надпись к портрету И.И. Дмитриева» [Базанов 1949, с. 382]. По итогам заседания было признано, что статья нуждается в доработке [Гиллельсон 1962, с. 219–223]. В письме к А.И. Тургеневу от 7 декабря 1822 г. Вяземский интересовался судьбой своей рукописи, а также сообщал о необходимости внесения в нее поправок: «Что слышно о биографии Дмитриева? От Гнедича ни слова не слышу. Во всяком случае не отдавать в печать без согласия моего. Нужно кое-что исправить и пополнить». 10 декабря 1822 г. Вяземский просил А.И. Тургенева переписать и доставить ему биографию И.И. Дмитриева. Из письма Вяземского А.И. Тургеневу от 26 декабря 1822 г. можно узнать о полученном из ВОЛРС требовании к автору срочно переработать статью, встреченном с отторжением: «Скажи Жуковскому, чтобы он уговорил издателей. Вот прекрасно! Я им уже три месяца, как послал биографию, а они мне и спасибо не сказали и не уведомляли о получении; теперь хотят, чтобы я ее перековеркал, пустил бы кровь ей из всех жил, и еще торопят меня. Я и не знаю, дам ли ее в том виде, в каком они имеют хотят, то есть, в виде какого-то силуэта белым карандашом по белому листу. Во всяком случае мне нужно время для прочтения и прочее, а не то черт с ними, – пусть меня и не дожидаются: я биографию здесь напечатаю особенно». 2 января 1823 г. А.И. Тургенев дал Вяземскому пояснения, что требования по переработке связаны в том числе с цензурными препонами: «Я могу прислать исчерканную Кр.<асовским> твою рукопись. Впрочем, вымарано все от: "И вот что в моем мнении дает мне право" – до: "После сего длинного... предисловия приступлю к делу" – включительно; потом – еще несколько слов и выражений» [Остафьевский архив 1899, с. 286, 287–288, 291–294]. 4 января 1823 г. Вяземский сообщил В.А. Жуковскому: «...Дмитриева моего переписывают. Доставлю вам список и соглашаюсь

на большую часть требований издателей» [Сукайло 2010, с. 556]. Вяземский задержался с доработкой, в результате чего 30 января 1823 г. ему было направлено письмо председателя и секретаря ВОЛРС с просьбой вернуть рукопись биографической статьи.

17. Уже 2 февраля 1823 г. Вяземский пишет А.И. Тургеневу: «Дмитриевскую рукопись начнут списывать с первой недели. Я и так переправленную пришло опять к вам для доставления Обществу. Или цензура все пропустит, или ничего не напечатаю, разумеется, здесь. Но тогда переведу ее с помощью других на французский язык и напечатаю в Париже, как памятник нашего варварства» [Остафьевский архив 1899, с. 298]. 22 мая 1823 г. на заседании Вольного общества любителей российской словесности был прочитан «отрывок из биографии И.И. Дмитриева, написанной по поручению Общества кн. П.А. Вяземским» [Новости не-политические 1823, с. 37]. В книге «Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева», состоявшей из двух частей, статья П.А. Вяземского предваряла первую часть [Вяземский 1823, с. I–LII].

18. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 3.

19. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 4.

20. Рукопись статьи П.А. Вяземского, по наблюдению М.И. Гиллельсона, «прошла тройную цензуру: умеренных арзамасцев, членов Вольного общества любителей российской словесности и, наконец, официальную цензуру» [Гиллельсон 1982, с. 317]. В результате многие фрагменты статьи были купированы, а сама ее публикация осуществлена с пометой «в сокращении». При подготовке первого тома «Полного собрания сочинений» Вяземский не восстановил купированные фрагменты [Вяземский 1878–1896, т. 1 (1878), с. 112–166]. Впервые публикация этих фрагментов была осуществлена в 1982 г. М.И. Гиллельсоном в комментариях к тексту статьи [Гиллельсон 1982, с. 319–322].

21. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 632. Л. 2.

22. См. прим. 14. Начиная с № 4 за 1818 г. «Соревнователь просвещения и благотворения» выходил под названием «Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности». В 1824 г. вышло 12 номеров журнала, разбитых на четыре части (ч. 25–28), по три номера в каждой.

23. РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 2. Ответ на письмо Ф.Н. Глинки и А.А. Никитина от 10 января 1824 г.

24. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 632. Л. 3.

25. В 1825 г. вышло 10 номеров журнала, разбитых на четыре части (ч. 29–32), по три номера в ч. 29–31 и один (последний) номер в ч. 32.

26. Ф.Н. Глинка жил в Твери с 1830 по 1832 г., работая советником губернского правления. Согласно формулярному списку, Глинка «по постановлению <Олонецкого> губернского правления 29 апреля <...> переведен в Тверское губернное правление сверх штату советником с жалованьем по 1 500 р. в год» [Глинка 2005, с. 6].

27. Известные нам опубликованные источники не позволяют установить суть претензии, в связи с чем возможны дополнительные разыскания в фонде Тверского губернского правления (ф. 466) Государственного архива Тверской области.

28. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 5 – 5об. Сохранился также конверт (л. 6) с указанием в верхнем углу «Тверь», по центру: «Его сиятельству милостивому государю князю Петру Андреевичу Вяземскому в собственные руки. В Москве».

29. В структуре губернских правлений до 1836 года существовали экспедиции, возглавлявшиеся советниками губернского правления; судя по тексту письма, в Тверском губернном правлении было 5 экспедиций, деятельность одной из которых координировал Ф.Н. Глинка.

30. В письме описка в инициале: *А.И. Апраксин*. Граф Петр Иванович Апраксин (1784–1852) в феврале 1831 г. был назначен тверским губернатором, однако в Тверь так и не прибыл. По собственному желанию с апреля 1831 г. продолжил службу в Отдельном корпусе жандармов.

31. Елизавета Семеновна Хилкова (урожд. Волчкова; 29 января 1775 – 2 июля 1856), княгиня, известная красавица, в те годы была замужем за князем Степаном Александровичем Хилковым (1786–1854), командовавшим 1-й Уланской дивизией, расквартированной в Твери.

32. Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767–1829), сенатор в 1805–1821 гг., поэт, переводчик, близкий кружку литераторов-архаистов адмирала А.С. Шишкова, издатель журнала «Друг просвещения» (совместно с Д.И. Хвостовым и Г.С. Салтыковым); являлся адресатом эпиграмм П.А. Вяземского. Имел дочь Авдотью, вышедшую замуж за Ф.Н. Глинку в марте 1831 г.

33. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 7 – 7об. Сохранился также конверт (л. 8) с надписью: «Его сиятельству милостивому государю князю Петру Андреевичу Вяземскому, в Москве, в собственные руки».

34. Выправиться – «справиться о чём-л., разузнать, выяснить что-л.» [СРЯ XVIII века 1989, с. 9].

35. Вероятно, речь идет о стремлении передать письмо в Москву с поверенным П.А. Вяземского.

36. См. прим. 31.

37. РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 3.

38. Имеется в виду отказ П.И. Апраксина стать тверским губернатором (см. прим. 30).

39. К 1831 г. были опубликованы первые три тома шеститомной «Истории русского народа» Н.А. Полевого, охватывающие период с древнейших времен до монголо-татарского нашествия [Полевой 1829–1830]. П.А. Вяземский оценивает здесь труд Н.А. Полевого как исторически недостоверный.

40. «Записки» С.Н. Глинки были впервые полностью опубликованы только в 1895 г. [С.Н. Глинка 1895].

41. Из стих. Е.А. Баратынского «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» (1834).

42. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 9 – 9об.

43. Саддукеи – название одной из трех древнееврейских религиозно-философских школ (другие школы – фарисеи, ессеи), возникших в эпоху расцвета династии Маккавеев (ок. 150 г. до н. э.) и просуществовавших вплоть до разрушения иудейского государства римлянами (70 г. н. э.). Для саддукеев были характерны признание абсолютной свободной воли человека, отрицание бессмертия души и воскресения мертвых, отрицание ангелов и духов. *Современными саддукеями* Ф.Н. Глинка называл либералов.

44. Наряду с тяжелой болезнью и смертью С.Н. Глинки в апреле 1847 г. Ф.Н. Глинка, вероятно, относил к числу «несчастий семейства» своего брата и издание книги «Русское чтение. Отечественные исторические памятники XVIII и XIX столетия» (в 4 ч.; СПб.: тип. Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1845), закончившееся серьезными материальными проблемами. «Издание оной не окупилось, – писал П.А. Вяземский уже после смерти С.Н. Глинки. – Несколько сот экземпляров этой книги лежат еще в типографии по неимению средств выкупить их» [Вяземский 1878–1896, т. 2 (1879), с. 347].

45. Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863), дипломат, сенатор, московский почт-директор.

46. Речь идет об отдельном издании статьи П.А. Вяземского «Сергей Николаевич Глинка» [Вяземский 1847b].

47. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 10–11. Содержательная часть письма впервые процитирована (с отдельными неточностями) в ст. В.П. Зверева «О взаимоотношениях Ф.И. Тютчева и Ф.Н. Глинки» [Зверев 2004, с. 106–107].

48. Имеется в виду «народное предание» Ф.Н. Глинки «Таинственная капля», написанное в 1840-е гг., но долгое время запрещавшееся цензурой и опубликованное в России только в 1871 г. (на обложке – 1870) [Глинка 1871]. О трудностях, связанных с прохождением «Таинственной

капли» через духовную цензуру, а затем, после публикации в Германии [Глинка 1861], с получением разрешения на ввоз ее в Россию, на распространение и свободную продажу см. в статье В.П. Зверева [Зверев 2004, с. 79–120].

49. Алексей Иванович Войцехович (1805–1881), государственный деятель, являлся старшим чиновником за обер-прокурорским столом и управляющим канцелярией Святейшего Правительствующего Синода; впоследствии – сенатор (с 1854 г. до конца жизни), член Государственного совета Российской империи.

50. С 1846 по 1853 г. П.А. Вяземский являлся управляющим Государственным Заемным банком и не имел непосредственного влияния на решение вопросов, связанных с цензурой. Главное управление цензуры он возглавлял позднее, при начале реформ Александра II (декабрь 1856 – март 1858 г.).

51. Имеется в виду эпическая поэма Ф.-Г. Клопштока «Мессиада» (1749–1780).

52. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 12–13. Фрагменты письма впервые процитированы (с отдельными неточностями) в ст. В.П. Зверева «О взаимоотношениях Ф.И. Тютчева и Ф.Н. Глинки» [Зверев 2004, с. 107–108].

53. 22 октября 1848 г. Ф.Н. Глинка в доме П.А. Вяземского читал отрывки из «Таинственной капли» в присутствии слушателей-литераторов.

54. «В 40-е гг. в Москве <...> у Глинок по понедельникам бывали лит. вечера; постоянные посетители: Е.М. Бакунина, Н.В. Берг, А.Ф. Вельтман, М.А. Дмитриев, Е.А. Карлгоф, М.Н. Лихонин, Ф.Б. Миллер, художник К.И. Рабус, С.Е. Раич, де Санглен. Тогда же Глинки дружески сблизились с П.Я. Чаадаевым. <...> Гл. предмет чтений – большая мистич. (под влиянием Клопштока и Мильтона) поэма Г. "Таинственная капля"» [Ильин-Томич 1989, с. 580].

55. А.А. Ильин-Томич указывает, что поэма «Таинственная капля» «написана при авт. участии А.П. Глинки» [Ильин-Томич 1989, с. 580].

56. Константин Степанович Сербинович (1797–1874), государственный деятель, почетный член Петербургской академии наук (1841), в 1833–1856 гг. – редактор «Журнала Министерства народного просвещения», одновременно в 1836–1853 гг. директор канцелярии обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода.

57. «Поклонение пастухов» (итал. «Adorazione dei pastori»; также «Святая ночь» и «Ночь», итал. «La Notte») – картина итальянского художника Корреджо, завершённая около 1530 года. Выставлена в Галерее

старых мастеров в Дрездене. В апреле 1813 г. во время военного заграничного похода Ф.Н. Глинка был в Дрездене и хотел увидеть знаменитую картину, но она была увезена вместе с другим полотном того же художника, «Магдалиной», «от французов в Кенигштейн» [Глинка 1987, с. 86, 92].

58. Имеется в виду кн. И. Фараонова «Опыт переложения в стихи некоторых мест Священного писания» [Фараонов 1847].

59. Торговая улица – ныне ул. Союза Печатников в Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга (исторически – территория Коломны, включающая «концовки» центральных улиц Петербурга: набережной реки Мойки, Садовой ул., набережной канала Грибоедова, набережной реки Фонтанки).

60. Участок на пересечении нынешних ул. Союза печатников и Лермонтовского проспекта в Петербурге (территория д. 7/12, известного как доходный дом Н.В. Печаткина) в середине XIX в. был занят каменным и деревянным трехэтажными домами, принадлежавшими чиновнику Ивану Григорьевичу Леману. Здесь родился и жил в юности Анатолий Иванович Леман (1859–1913), писатель и изготовитель струнных смычковых инструментов.

61. РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 8. Очевидно, соотносится с представленным далее письмом № 18. В записке содержится просьба прийти «завтра вечером часу в десятом», из чего можно предполагать, исходя из текста письма № 18, что речь идет о четверге, 23 декабря, и что записка написана 22 декабря 1848 г., однако под подписью Вяземского в записке имеется помета «четверг», позволяющая предположить, что она была завершена и отправлена уже 23 декабря 1848 г.

62. Имеется в виду поэма Ф.Н. Глинки «Таинственная капля».

63. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 14.

64. Вероятно, в доме Аркадия Васильевича Кочубея (1790–1878), чиновника и мемуариста, сенатора (с 1842 г.). Ф.Н. Глинка общался с ним в начале 1830-х гг., в период работы в Орловском губернском правлении, о чем сохранились такие воспоминания А.В. Кочубея: «Ф.Н. Глинку я до тех пор не знал, но вскоре с ним хорошо познакомился и подружился; это был отличнейший человек, высокой честности и добряк, с которым можно было по крайней мере душу отвести, а общество Авдотьи Павловны для моей жены было тоже находкой» [Кочубей 1890, с. 266–267]. Из мемуаров А.В. Кочубея известно, что по возвращении в Петербург зимой 1847 г. он жил вместе с сыновьями, а также братом Демьяном Васильевичем (холостяком) и сестрой Еленой Васильевной (бездетна; ее муж математик А.И. Маюров оставил ее и жил в Одессе во внебрачной связи

с дочерью купца первой гильдии Екатериной Васильевной Власта, от которой имел двух детей); летом 1848 г., в период холерной эпидемии, они нанимали «дачу г. Блока на Петергофской дороге» [Кочубей 1890, с. 311]. Одному из сыновей А.В. Кочубея посвящено стихотворение П.А. Вяземского «Николаю Аркадьевичу Кочубею» (1863).

65. РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 7. Записка была направлена П.А. Вяземским Ф.Н. Глинке в день проведения торжества, посвященного дню рождения и юбилею литературной деятельности В.А. Жуковского. Данное мероприятие на квартире П.А. Вяземского состоялось взамен первоначально запланированных официальных торжеств, поскольку В.А. Жуковский не смог приехать на них из-за границы. Факт получения от П.А. Вяземского записки в последний день отмечает И.С. Аксаков: «В субботу <29 января. – Д. Ж.> Самарин получил записку от Вяземского, где он приглашает его и меня, хоть я у него и не был, к себе на вечер для празднования юбилея Жуковского, по случаю 50-летия его литературной деятельности. Мы отправились и, к удивлению, нашли почти всех в белых галстуках и в орденах: скоро узнали мы, что на этом вечере будет наследник; стало быть, обществу будет не до меня, и в этом смысле я этому порадовался. Тут было множество народу: был Киселев, Блудов и вообще цвет петербург<ских> придворных умов. <...> Был тут и Федор Ник<олаевич> Глинка» [Аксаков 1988, с. 462–463]. Как видим, Ф.Н. Глинка откликнулся на записку и приехал на юбилейное торжество. Сам П.А. Вяземский так вспоминал об этом событии: «...друзья и близкие лица к Жуковскому отпраздновали сей день у меня домашним образом. Его императорское высочество государь наследник, ныне благополучно царствующий император, почтил милостивым присутствием своим это семейное торжество, во изъявление сердечного сочувствия и уважения к бывшему своему наставнику. На этом вечере граф Блудов прочитал стихи, мною написанные по поводу юбилея; граф Михаил Вьельгорский пел куплеты мои, которые положил он на музыку; Михаил Глинка, тогда только что возвратившийся из-за границы, оживил музыкальную часть этого вечера» [Вяземский 1866а, стб. 1065–1066]. Протокол праздника под заглавием «29 января 1849 года» с подписями всех гостей был отправлен В.А. Жуковскому (подробнее об этом событии см.: Пухов 1979, с. 212–222).

66. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 15 – 16об.

67. Граф де Сюзор (в России – Ю.С. Сюзор; 1809–1889), эмигрант из Франции, который сначала выступал в Петербурге в различных собраниях с лекциями о французской литературе, а затем жил уроками, преподавая детям из обеспеченных семей французский язык. Прочитанный им в Петербурге с 24 ноября по 11 декабря 1846 г. цикл из шести лекций по

150

французской литературе так анонсировала «Северная пчела»: «Умный и красноречивый литератор граф Сюзор открывает <...> исторические, критические, анекдотические и биографические чтения о французской литературе. <...> Все образованные люди, все любители литературы посещали его курсы и, наслаждаясь прекрасным изложением, прелестью импровизации, уносили с собой полезные сведения, рассыпанные в тысячах томов, сохранив в душе самые приятные впечатления. Особенно, как пишут, дамы восхищались его чтениями легкими, приятными, занимательными, притом основанными на совершенном знании своего предмета и изложенными самым изящным языком» [Чтения о французской литературе 1846, с. 1053]. Саркастически оценивал содержание и уровень выступлений графа де Сюзора И.С. Тургенев в фельетоне «Современные заметки», увидевшем свет в № 1 «Современника» за 1847 г.: «Граф Сюзор читал нам, северным варварам, лекции о французской литературе, о том, какие у французов были умные люди, и как эти умные люди приятно писали, и как все другие нации им подражали и должны подражать, и как это всё хорошо и приятно. Уменье разговаривать — отличительное качество французов; но оригинально и грациозно разговаривать и у них умеют немногие. Вести "диалог" — великое искусство... Монологи держать гораздо легче, особенно если в вашем распоряжении находится довольно большое количество дешевого энтузиазма — и если добродушные слушатели расположены внимать вашим разглагольствованиям...» [Тургенев 1978, с. 288–289]. Много лет спустя в «Русской старине» так рассказывалось о деятельности графа де Сюзора в России конца 1840-х — начала 1850-х гг.: «...помню графа Сюзора. Сей граф явился в Россию после революции 1849 года; петербургское общество приняло его с распростертыми объятиями, как несчастную жертву революции, пострадавшую за верность монархическому началу. Сюзор с большим успехом читал публичные лекции и затем получил уроки в весьма многих петербургских учебных заведениях, где объяснял, как немцы расточительны на слова: там, где француз употребит три слова, немец их поставит не менее пяти; например, француз говорит: *je viendrai demain*, немец же — *Ich werde Morgen zu Ihnen kommen*» [И.А. Тютчев 1885, с. 665].

68. Петр Семенович Лебедев (1816–1876), полковник, военный писатель, автор лекций по военной истории, оратор, в 1855–1861 гг. редактор газеты «Русский инвалид»; в 1865 г. произведен в генерал-майоры. А.И. Герцен, упоминаемый далее в письме Ф.Н. Глинки в негативном ключе, характеризовал выступления П.С. Лебедева как «вернопреданное вранье» [Герцен 1958, с. 413].

69. Торговая улица – см. прим. 59. Александр Степанович Лавинский (1776–1844), государственный деятель, сенатор (с 1833 г.), член Государственного совета, действительный тайный советник (1835). На 1842 г. являлся владельцем каменного дома в Петербурге и 80 душ крестьян в Бувеском уезде Костромской губернии.

70. Гумор – *устар.* юмор.

71. Стихотворение напечатано (с неточностями) по тексту впервые публикуемого нами письма в 1986 г. [Глинка 1986, с. 116].

72. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 17 – 19об. (в т. ч. на л. 19–19об. приложенное к письму стихотворение «Две жизни России»). Сохранился черновик письма (без приложенного стихотворения), см.: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 11–12.

73. Согласно документам, опубликованным Е.Н. Строгановой, в период вице-губернаторства М.Е. Салтыкова-Щедрина в Твери в 1860–1862 гг. старшим советником Тверского губернского правления работал коллежский советник Емельян Андреевич Розов [Строганова 1996, с. 159, 161]. Во время отсутствия М.Е. Салтыкова-Щедрина он исполнял его обязанности. Н.В. Журавлевым характеризуется как «службист, лишенный самостоятельного взгляда на вещи» [Журавлев 1961, с. 124].

74. Негативное отношение к «передовым» людям характерно и для П.А. Вяземского начала 1860-х гг., напр.: «Передовых людей, по описи последней, / В журналах числится у нас густая рать; / Но не верней ли их передними назвать? / Так и несет от них передней!» («Передовых людей, по описи последней...»; РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 903. Л. 13) [Васильев, Жаткин 2021, с. 157]; «Чтобы попасть в передовые люди, / Когда других честнее нет орудий, / Вот им взамен что надобно иметь: / Лоб не краснеющий, хоть есть с чего краснеть, / Заносчивую речь и зычность медной груди, / Которую другим не в силах одолеть» («Чтобы попасть в передовые люди...»; РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 903. Л. 22) [Васильев, Жаткин 2021, с. 157]; ср. также: «Лоб не краснеющий, хоть есть с чего краснеть...» [Вяземский 1878–1896, т. 11 (1887), с. 430].

75. См.: Юбилей Вяземского 1861; Васильев, Жаткин 2018, с. 196–212.

76. Ф.Н. Глинка вспоминает о П.А. Вяземском как ангеле-утешителе семейства своего брата С.Н. Глинки (см. письмо Ф.Н. Глинки к П.А. Вяземскому от 23 декабря 1847 г.).

77. Имеется в виду отмена в 1861 г. крепостного права.

78. Паки – *арх.* опять, снова.

79. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 20 – 21об.

80. См. прим. 73.

81. Речь идет о направленном против «заморской тройки» – М.А. Бакунина, А.И. Герцена и Н.П. Огарева – сатирическом стихотворении Вяземского «Тройка: Песня, басня и быль» («Вот мчится тройка удалая...») с «Припиской» («А Долгоруков в одиночку...») (1866) [Вяземский 1878–1896, т. 12 (1896), с. 246–247].

82. Авдотья Павловна Глинка скончалась в Твери 26 июля (7 августа) 1863 г., похоронена в Жёлтиковом монастыре. Супруги состояли в браке с 1831 г.

83. Елена Ивановна Голенищева-Кутузова (урожд. Долгорукова; 1779–1850), жена П.И. Голенищева-Кутузова, мать А.П. Глинки.

84. Иван Павлович Голенищев-Кутузов (1796–1840), надворный советник, брат А.П. Глинки.

85. Алексей Владимирович Долгоруков (Долгорукий; 1813, по др. сведениям – 1815 или 1816 – не ранее 1869), литератор-дилетант, популярный в светских кругах гипнотизер («магнетизер»), сын редактора «Московских ведомостей» В.И. Долгорукова (1778–1845?).

86. Глинка упоминает скандальную историю двоеженства А.В. Долгорукова. В 1833 г. в Торжке он женился на купеческой дочери, вопреки сопротивлению родственников, причем готов был отказаться от наследства; в 1843 или 1844 г. также женился на дочери генерала Елизавете Петровне Якимовой-Золотовой, бывшей в то время невестой другого [Евсеева 1992, с. 147–148].

87. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 22 – 22об.

88. 27 февраля 1866 г. в Обществе любителей российской словесности при императорском Московском университете состоялось празднование по поводу пятидесятилетия избрания П.А. Вяземского в действительные члены общества.

89. Иван Сергеевич Сухоручкин – коллежский асессор, один из первых присяжных поверенных, определенных на работу в Твери в 1866 г.; осуществлял адвокатскую деятельность.

90. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 23 – 23об.

91. Анна Николаевна Бакунина (урожд. Васильчикова; 1834 или 1835–1904), дворянка, дочь генерал-майора Николая Ивановича Васильчикова (1792–1855) и Марии Петровны Ланской (около 1797 – 1879), вторая жена Модеста Николаевича Бакунина (1825–1889).

92. См. прим. 5.

93. Муж А.Н. Бакуниной М.Н. Бакунин выбрал дипломатическую карьеру, в 1861 г. он был направлен вице-консулом в Копенгаген, в июне того же года стал вице-консулом в Венеции. С марта 1866 г. и до своей кончины М.Н. Бакунин служил консулом в Венеции. Именно его

Ф.Н. Глинка называет «венетским» Бакуниным. «Московский» Бакунин нами достоверно не установлен.

94. Владимир Дмитриевич Лёвшин (1834–1887), сын попечителя Московского учебного округа Д.С. Лёвшина, в период написания письма – чиновник Министерства внутренних дел, занимавшийся вопросами Особой канцелярии по водворению русских землевладельцев в Северо-Западном крае, с 1870 г. – самарский вице-губернатор, впоследствии воронежский вице-губернатор, уфимский губернатор, ярославский губернатор.

95. На антипольские настроения Ф.Н. Глинки повлияло активное участие поляков в демократическом и национально-освободительном движении, в особенности, в Польском восстании 1863–1864 гг.; памфлет-ные образы поляков постоянно возникают в 1860-е гг. в русской литературе, в особенности в антиинигилистических романах.

96. Эмоциональная реакция на неудавшееся покушение Д.В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. По официальной версии, причиной промаха Д.В. Каракозова стало то, что его руку оттолкнул крестьянин Осип Комисаров, который впоследствии был возведен в дворянское достоинство с фамилией Комиссарова-Костромского. Подобную же реакцию, осуждающую покушение, можно видеть в творчестве П.А. Вяземского; см. стих. «Комисарову» [Вяземский 1878–1896, т. 12 (1896), с. 252], «16 апреля 1866 г.» [Вяземский 1878–1896, т. 12 (1896), с. 253–256].

97. Революционное общество «Земля и Воля» просуществовало с 1861 до начала 1864 г., после чего самоликвидировалось. В апреле 1866 г., в период написания письма, «Земля и Воля» не существовала; она возродилась в новом составе только в 1876 г. Д.В. Каракозов, совершивший покушение на царя, был участником революционного Ишутинского кружка, созданного в сентябре 1863 г. и разгромленного после покушения.

98. РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 9–10. Черновик недописанного письма, сохранившийся в фонде Ф.Н. Глинки. Датируется по упоминанию неудавшегося покушения Д.В. Каракозова на Александра II и общественной реакции на него.

99. О популярности сатирического стихотворения П.А. Вяземского «Тройка: Песня, басня и быль» («Вот мчится тройка удалая...», 1866); о нем же см. в письме Ф.Н. Глинки к П.А. Вяземскому от 27 февраля 1866 г.

100. Отклик на неудавшееся покушение Д.В. Каракозова на Александра II.

101. О символике розы в литературе русского романтизма см., в частности, в статье Д.Н. Жаткина [Жаткин 2003, с. 137–141].

102. Черновик письма на этом обрывается.

103. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 24 – 25об. Черновик письма сохранился в фонде Ф.Н. Глинки: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 2–3.

104. «Есть слезы радости, есть тяжелой скорби слезы» – первая строка стихотворения П.А. Вяземского «16 апреля 1866 г.», ставшего откликом на покушение Д.В. Каракозова на царя Александра II. Стихотворение было напечатано в № 99 «Северной почты» за 1866 г., после чего вышло также отдельным оттиском [Вяземский 1866b].

105. 25 мая 1866 г. в Тверь прибыли императрица Мария Александровна (жена Александра II), наследник престола Александр Александрович (будущий Александр III), его брат великий князь Владимир Александрович и свита. Путешествие по волжским городам повторяло путь усопшего Николая Александровича (предыдущего наследника престола, 1843–1865) и посвящалось его памяти.

106. 19 августа 1851 г. во время поездки из Петербурга в Москву на вокзале в Твери останавливался император Николай I.

107. Великий князь Владимир Александрович (1847–1909), третий сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны, младший брат Александра III, сенатор (1868), член Государственного совета (1872).

108. Имеется в виду рескрипт императора на имя председателя Комитета министров кн. П.П. Гагарина от 13 мая 1866 г.: «Провидению угодно было раскрыть перед глазами России, каких последствий надлежит ожидать от стремлений и умствований, дерзновенно посягающих на все, для нее искони священное, на религиозные верования, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уважение к установленным властям. Мое внимание уже обращено на воспитание юношества. Мною даны указания на тот конец, чтобы оно было направляемо в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал общественного порядка и чтобы в учебных заведениях всех ведомств не было допускаемо ни явное, ни тайное проповедование тех разрушительных понятий, которые одинаково враждебны всем условиям нравственного и материального благосостояния народа». Рескрипт призывал охранять традиционные устои, бороться с попытками «врагов общественного порядка» возбуждать вражду против дворянства.

109. Упоминается библейский (Песнь Песней, 2, 1) образ розы Сарона (т. е. розы, растущей в Саронской (Шаронской) долине – на восточной стороне Средиземного моря между Кейсарией и Яффой), ставшей символом любви у европейских народов.

110. См. стихотворение П.А. Вяземского «Палестина» (1850) [Вяземский 1878–1896, т. 11 (1887), с. 43–47].

111. Герман Боергаве-Кау (Бургав-Каау; 1705–1751), доктор медицины, гоф-медик при дворе императрицы Елизаветы Петровны (1742–1751), директор Медицинской канцелярии. Боергаве скончался во время пребывания двора в Москве, и тело его, по именному указу, положено было в склеп при старой голландской церкви, а для погребения на московском лютеранском кладбище перенесено лишь 20 мая 1815 г. По смерти долг его составил 60 тысяч рублей; в счет уплаты долга в 1799 г. его наследники продали в казну принадлежавшие ему библиотеку и манускрипты.

112. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 26 – 27об. Черновик письма сохранился в фонде Ф.Н. Глинки: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 4 – 5об.

113. Имеются в виду два стихотворения П.А. Вяземского, опубликованных в 1866 г. на страницах газеты «Северная почта»: «16 апреля 1866 г.» (в № 99) и «Москва» («Русский Рим, Рим православный...») (в № 161). В последнем из стихотворений есть яркие строки о Кремле, что, видимо, и побудило Ф.Н. Глинку упомянуть его в письме как «Кремль»: «Кремль – кивот народной славы, / Кремль – помазанник веков, / Капитолий златоглавый / Русских доблестных сынов!». Также в 1866 г. оба стихотворения публиковались отдельными изданиями [Вяземский 1866b; Вяземский 1866с, с. 3–7].

114. Имеется в виду берлинское издание «Таинственной капли» 1861 г. [Глинка 1861].

115. Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825), генерал от инфантерии (1809), один из предводителей русской армии во время Отечественной войны 1812 г., санкт-петербургский военный генерал-губернатор и член Государственного совета с 1818 г. В 1814 г. была опубликована книга Ф.Н. Глинки «Подвиги графа Михаила Андреевича Милорадовича в Отечественную войну 1812 года» [Глинка 1814], в 1818 г. – брошюра Ф.Н. Глинки «Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича» [Глинка 1818].

116. Перифраз строки: «Дела давно минувших дней», начинающей первую песнь «Руслана и Людмилы» А.С. Пушкина.

117. Богемия – *устар.* Чехия. Имеются в виду сражения австро-прусской войны, продолжавшейся с 15 июня по 26 июля 1866 г. (битва при Трутнове 27 июня 1866 г., битва при Садове 3 июля 1866 г.).

118. Михаил Александрович Оболенский (1821–1886) – гос. деятель, с февраля 1866 г. по май 1868 г. – тверской вице-губернатор.

119. Неустановленное лицо.

120. Благотворительное общество «Доброхотной копейки» создано в Твери в 1862 г. по инициативе А. П. Глинки. В воззвании «Доброхотная копейка для бедных» она призывала «отделять доброхотно одну копейку от каждого рубля, употребленного на предметы роскоши и для своего туалета» для бедных и лиц, пострадавших вследствие болезни, пожара и других несчастий. Ф.Н. Глинка руководил обществом, выдававшим ежемесячные и единовременные пособия бедным жителям Твери, после смерти супруги (1863–1880, перерыв в 1868 г.).

121. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 28–29. На л. 28 помета рукой П.А. Вяземского: «Представил и отвечал по приказанию ее в<еличества>. Приказала чрез г-на Морица послать подарок Глинке». Петр Алексеевич Мориц (1818–1898), секретарь российской императрицы Марии Александровны, жены императора Александра II. Черновик письма сохранился в фонде Ф.Н. Глинки: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 13–14.

122. День тезоименитства – в православии это день, в который почитается память святого, чье имя было получено человеком при крещении. День тезоименитства императрицы Марии Александровны отмечался 22 июля.

123. Митрополит Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1782/1783–1867) – с 3 июля 1821 г. архиепископ, с 22 августа 1826 г. – митрополит Московский и Коломенский; действительный член Академии Российской (1818), почётный член (1827–1841) Императорской академии наук, ординарный академик (1841) по Отделению русского языка и словесности. В обширных пояснениях и примечаниях к поэме «Таинственная капля» Ф.Н. Глинка дважды сослался на митр. Филарета (Дроздова), которому отдавал на суд некоторые главы.

124. См. прим. 114.

125. С 1858 г. до самой смерти в 1873 г. Ф.И. Тютчев занимал пост председателя Комитета иностранной цензуры. Поэма Ф.Н. Глинки, опубликованная в Германии в 1861 г., появилась в России в свободной продаже не ранее 1863 г., так как еще 24 декабря 1862 г. он сообщал Ф.И. Тютчеву в своем письме: «С этою почтою посылаю вашему превосходительству книгу в двух частях. По заглавию увидите, что это “Таин-

ственная капля” — та самая, которую вы имели терпение слушать и выслушать вместе с кн. П.А. Вяземским. Тогда читал рукопись вам как поэту и владельцу стиха сильного, звучного и всегда осмысленного, и вы, — судья в полном смысле этого слова, — почтили меня отзывом благоволительным. Теперь посылаю русскую поэму, напечатанную в чужой стороне. От вас зависит открыть ей дверь в отечество; ибо вам дано право решить и вязать судьбу заграничных книг. Я рад, что это право досталось в благородные руки и поэта в душе <,> и человека с лучами европейского просвещения. Пропустите же сиротку на родину!» [Кузнецова 1983, с. 340].

126. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 30–31.

127. В последние полтора года жизни (1697–1699) великий драматург Жан Расин отдалился от двора, что дает основание отдельным исследователям полагать, что он находился в опале. Однако более распространено мнение, что отдаление происходило по инициативе самого Расина «как результат усиления его религиозности» [Жирмунская 1984, с. 435].

128. Ольга Александровна Оболенская (урожд. Стурдза; ум. в 1895 г.), дочь автора политических трактатов А. Стурдзы, жена М.А. Оболенского, являвшегося в 1866–1868 гг. тверским вице-губернатором.

129. Имеется в виду М.А. Оболенский (см. прим. 118).

130. Вероятно, неустановленная г-жа Хандрицкая, упоминаемая в приписке к письму Ф.Н. Глинки П.А. Вяземскому от 1 июля 1866 г.

131. Издание воспоминаний, судя по всему, предполагалось к 100-летию со дня рождения Н.М. Карамзина. Ф.Н. Глинка написал свои воспоминания, однако опубликованы они были много позже [Глинка 1903, с. 76–102].

132. Имеется в виду Анна Николаевна Бакунина (см. прим. 91).

133. О «венецианском» и «московском» Бакуниных см. прим. 93.

134. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 32 – 33об.

135. О П.А. Морице см. прим. 121.

136. Ф.Н. Глинка вспоминает о приезде в Тверь 25 мая 1866 г. императрицы Марии Александровны (супруги Александра II), наследника престола Александра Александровича (будущего Александра III), его брата великого князя Владимира Александровича и свиты.

137. Франсуа-Жозеф Тальма (1763–1826), фр. актер, реформатор театрального искусства. Наполеон Бонапарт покровительствовал этому актеру, приглашал его, чтобы изучать эффектные жесты и позы.

138. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 34–37.

139. Речь идет об изд.: Вяземский 1866с.

140. Имеется в виду стих. «Москва» («Русский Рим, Рим православный...»), опубликованное в кн. П.А. Вяземского «Два стихотворения» [Вяземский 1866с, с. 3–7].

141. Приведена цитата из стих. «На железной дороге, в день отъезда из деревни» («Благодаренье вам, долины, рощи, нивы...»), опубликованного в кн. П.А. Вяземского «Два стихотворения» [Вяземский 1866с, с. 9–11].

142. *Мантуанским лебедем* называли Вергилия, родившегося в одном из предместий итальянской Мантуи.

143. См.: Жаткин 2008, с. 3–6.

144. Стихотворение Ф.Н. Глинки «Непонятная вещь» было опубликовано в «Северных цветах» на 1831 год и сразу же стало объектом пародии. А.С. Пушкин писал П.А. Плетневу 7 января 1831 г.: «Видел я, душа моя, Цветы: странная вещь, непонятная вещь! Дельвиг ни единой строчки в них не поместил. Он поступил с нами как помещик со своими крестьянами. Мы трудимся – а он сидит на судне да нас побранивает. Не хорошо и не благоразумно. Он открывает нам глаза, и мы видим, что мы в дураках. Странная вещь, непонятная вещь! – Бедный Глинка работает как батрак, а проку все нет. Кажется мне, он с горя рехнулся. Кого вздумал просить к себе в кумовья! вообрази, в какое положение приведет он и священника и дьячка, и куму и бабку, да и самого кума – которого заставят же отречься от дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочие творить проделки. Нащокин уверяет, что всех избаловал покойник царь, который у всех крестил ребят. Я до сих пор от дерзости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!» [Пушкин 1941, с. 141]. Об этом факте пародирования подробно писал Ю.Н. Тынянов, отмечая в статье «О пародии» (1929), что «в начале нашего века <XX в. – Д. Ж.> в провинциальных гимназиях школяры любили не только знаменитую стиховую игру "У попа была собака...", но и другую», восходящую к фразе Ф.Н. Глинки, запечатлевшейся в фольклорной памяти:

Странная вещь,
Непонятная вещь,
Отчего человек потеет,
И, потя, кряхтит,
И, кряхтя, говорит:
«Странная вещь,
Непонятная вещь...»

[Тынянов 1977, с. 296–299]. О том, что оборот «странная вещь» стал устойчивым благодаря Ф.Н. Глинке, писал Ю.В. Манн: «В гоголевское время довольно популярным в литературном и повседневно-бытовом обиходе сделалось выражение "странная вещь", восходящее к стихотворению Федора Глинки <...>. Выражением этим обозначали какое-либо

необычное явление, не поддающееся объяснению, не доступное пониманию, – стихотворение Глинки так и называлось: "Непонятная вещь"» [Манн 2005, с. 31].

145. Погляд – укр. взгляд.

146. *Катковист* – сторонник русского публициста, литературного критика, издателя М.Н. Каткова (1818–1887), придерживавшегося консервативных взглядов и конфликтовавшего с либеральной интеллигенцией.

147. Это четверостишие Ф.Н. Глинки неоднократно публиковалось с датировкой 1830-ми – 1840-ми гг.

148. Ср. в кн. В.И. Даля «Пословицы русского народа»: «Сатана гордился, с неба свалился; фараон гордился, в море утопился; а мы гордимся – куда годимся?» [Даль 1862, с. 807].

149. Луций Сергий Катилина (не позднее 108 года до н. э. – 62 до н. э.), римский политический деятель, претор 68 г. до н. э., наместник в провинции Африка в 67–66 гг. до н. э.; глава заговора против римского республиканского строя. В письме назван как Кателина.

150. Имеется в виду А.Н. Бакунина.

151. Тальбот Уильям Генри Фокс (1800–1877), английский физик и химик, один из создателей фотографии, изобретатель негативно-позитивного процесса.

152. РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 4.

153. *Люмбаго* (от лат. *lumbus* – поясница) – острая боль (прострел) в нижней части спины (пояснице).

154. О воспоминаниях Ф.Н. Глинки, сохранившихся в бумагах Я.К. Грота и опубликованных в 1903 г. его сыном К.Я. Гротом, см. прим. 131. Воспоминания были также выпущены отдельным оттиском [Грот 1903]. В статье о Ф.Н. Глинке в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» «Мои воспоминания о незабвенном Н. Мих. Карамзине» ошибочно датированы 1865 г. [Ильин-Томич 1989, с. 581], тогда как, согласно публикуемой переписке, они были написаны в 1866 г.

155. Торжественное собрание императорской Академии наук, посвященное 100-летию со дня рождения Н.М. Карамзина, прошло 1 декабря 1866 г. На нем с отчетом выступил Я.К. Грот [Отчет деятельности Карамзина 1866; Отчет деятельности Карамзина 1867]. В торжественном собрании принял участие и П.А. Вяземский. Его материалы – стихотворение «Тому сто лет» и статья «О письмах Карамзина» – были опубликованы в №№ 259, 260 и 261 «Северной почты», а затем и отдельным изданием [Вяземский 1866d]. Тогда же увидела свет книга М.П. Погодина «Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам

современников» (ч. 1–2; М.: тип. А.И. Мамонтова, 1866), в которой использовался, в числе прочего, направленный П.А. Вяземским М.П. Погодину материал о жизни Н.М. Карамзина [Погодин 1866, ч. 1, с. 384; ч. 2, с. 28, 152, 356]. К юбилею Н.М. Карамзина также было подготовлено издание его писем к И.И. Дмитриеву [Письма Карамзина Дмитриеву 1866].

156. РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 7 – 8об. (черновик письма в фонде Ф.Н. Глинки). В письме под именем Марии упоминается прибывшая в Россию супруга будущего императора Александра III Дагмара, наречение которой этим именем состоялось 13 (25) октября 1866 г.

157. Речь здесь идет о принцессе Дагмаре – супруге будущего императора Александра III с 28 октября (9 ноября) 1866 г. Перед вступлением в брак она приняла православие, после чего была наречена новым именем, став великой княжной Марией Фёдоровной. На приезд Дагмары П.А. Вяземский откликнулся стихотворением «На приезд принцессы Дагмары, великой княгини Марии Феодоровны» («В дни весны, когда природа...», 1866) [Вяземский 1878–1896, т. 12 (1896), с. 267–270]. Вероятно, с этим же событием связано и стихотворение П.А. Вяземского «Скоро ль, скоро ль задымится...» (1866?) (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 879, л. 4 об.) (опубл.: Васильев, Жаткин 2021, с. 170–171).

158. Приводится цитата из Послания к евреям апостола Павла (2: 18).

159. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 38–39. Черновик письма сохранился в фонде Ф.Н. Глинки: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 1 – 1об.

160. Александр Дмитриевич Свербеев (1835–1917), сын историка и мемуариста Д.Н. Свербеева, в ту пору находившийся по роду службы в распоряжении тверского губернатора (1867–1868); впоследствии – саратовский губернатор (1878–1891).

161. Вероятно, имеется в виду изд., включавшее, в числе прочего, стих. «Тому сто лет» [Вяземский 1866d].

162. Речь идет о М.А. Оболенском (см. прим. 118).

163. Имеется в виду Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856), русский философ и публицист.

164. Вариант лексемы *автограф* (от греч. *autos* – сам и *grapho* – пишу).

165. *Устар.* проект.

166. Федор Петрович Гааз (нем. Friedrich Joseph Laurentius Haass; 1780–1853), московский врач немецкого происхождения, филантроп, известный под именем «святого доктора». Член Московского тюремного комитета и главный врач московских тюрем. В 2011 г. римско-католическая церковь начала процесс канонизации доктора Гааза.

167. Анна Алексеевна Багратион (урожд. Мартынова; 1823–1908), жена князя П.Р. Багратиона, тверского губернатора в 1862–1868 гг.

168. *Валовой* – устар. «повсеместный, массовый, сплошной» [БАС 2004–2024, т. 2 (2005), с. 324].

169. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 40–41.

170. Петр Романович Багратион (1818–1876), генерал-лейтенант (1865), тверской губернатор в 1862–1868 гг.; впоследствии помощник по гражданской части виленского генерал-губернатора А.Л. Потапова (1868–1870), лифляндский, курляндский и эстляндский генерал-губернатор (с 1870 г.). Является автором изд. «Стихи князя Петра Романовича Багратиона Феодору Николаевичу Глинке. (При посылке нового календаря). 30 дек. 1869, 12 янв. 1870» [Багратион 1878].

171. С 1867 г. императрица Мария Александровна и ее дети стали регулярно посещать Ливадию и находились там в течение продолжительного времени. Императрица чаще всего приезжала с детьми уже на Пасху и оставалась на все лето и осень.

172. Покушение на Александра II 25 мая 1867 г., совершенное в Париже деятелем польского освободительного движения А.И. Березовским.

173. «Русский» – общественно-политическая и литературная газета, выходившая в Москве в 1867–1868 гг., сначала еженедельно, с 1868 г. – ежедневно. Ее редактором-издателем был М.П. Погодин. В газете печатались произведения В.Ф. Одоевского, П.А. Вяземского, Ф.И. Тютчева и др. В типографии газеты «Русский» в 1869 г. вышел первый том «Сочинений» Ф.Н. Глинки, включавший духовные стихотворения; в последующие тома, как и первый, подготовленные к печати М.П. Погодиным, вошли «Таинственная капля» (т. 2, ч. 1–2) и «Иов» (т. 3). Одним из проявлений сотрудничества Ф.Н. Глинки с М.П. Погодиным стала публикация в «Русском» поэтического отклика на покушение на императора Александра II, совершенное А.И. Березовским.

174. РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 5 – 6об. (рукой переписчика, кроме завершающего фрагмента текста, следующего за рассуждениями о доме В.А. Жуковского в Белёве, написанного собственноручно). См. также копию рукой переписчика (РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 9–10), заканчивающуюся словами о доме В.А. Жуковского в Белёве.

175. Имеется в виду издатель газеты «Русский» М.П. Погодин.

176. Согласно библиографии С.И. Пономарева, в газете «Русский» были опубликованы стихотворения П.А. Вяземского «Железная дорога» (1867, № 1–2), «Поминки. Дельвиг, Пушкин, Баратынский» (1867, № 7–8), «На развалинах Севастополя» (1868, № 1), «Заметки. Пять пьес» (1868, № 27 второго полугодия [нумерация номеров газеты во втором полугодии 1868 г. велась заново]) [Пономарев 1879, с. 52–53]. Точные

названия стихотворений соответственно: «На железной дороге, в день отъезда из деревни», «Поминки» («Дельвиг, Пушкин, Баратынский...»), «В Севастополе»; опубликованные заметки: «В природе ничего нет цельного ни в чем», «Французы – хвастуны и не таят того...», «У нас и дважды два все как-то лезет на пять...», «Мы за собой не замечаем...», «Иной – уж так, привык – не засыпает...». Ф.И. Тютчев публиковался в газете дважды, напечатав в ней стихотворения «По прочтении депеш императорского кабинета, напечатанных в "Journal de St.-Petersbourg"» (1868, № 1), «Пожары» (1868, № 16 второго полугодия) [Ф.И. Тютчев 1978, с. 19].

177. Строка из стих. Ф.Н. Глинки «Сон русского на чужбине» (1825), часть которого стала известной песней.

178. Ассоциативный ряд с созданным незадолго до этого мемуарным очерком П.А. Вяземского «Допотопная или допожарная Москва» (1865) [Вяземский 2017, с. 235–279].

179. М.П. Погодин был инициатором многочисленных издательских начинаний. Вероятно, у него были планы выпуска в типографии газеты «Русский» собраний сочинений русских писателей близкой ему идейной ориентации. Однако, судя по всему, начатое предприятие не имело успеха, газета вскоре закрылась, собрание Ф.Н. Глинки оборвалось на третьем томе, собрание П.А. Вяземского осталось в нереализованных планах.

180. София Васильевна Мещерская (урожд. Оболенская; 1822–1891), жена тверского губернского предводителя дворянства в 1866–1884 гг. Бориса Васильевича Мещерского (1818–1884).

181. Неустановленное лицо.

182. Дом Жуковского в Белёве, еще при жизни поэта перешедший в собственность протоколиста опеки Емельянова, был выкуплен у его наследников правительством «по инициативе князя Вяземского» за 3 тысячи рублей и перестроен «заново по плану и фасаду старого», после чего в конце 1872 г. в нем открылось ремесленное училище [Мартынов 1999, с. 498].

183. Журналист, издатель, публицист и беллетрист Н.И. Греч скончался 12 января 1867 г., оставив после себя «Записки», которые начали фрагментарно публиковаться в журналах с 1868 г. [Греч 1868a, стб. 1403–1413; Греч 1868b, с. 371–421; Греч 1873, стб. 225–341]. Их первое отдельное издание вышло с цензурными купюрами только в 1886 г. [Греч 1886].

184. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 42–43. Черновик письма сохранился в фонде Ф.Н. Глинки: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 6 – 6об.

185. Имеется в виду некрологическая статья Вяземского об А.А. Бобринском [Вяземский 1868а, стб. 2025–2048; Вяземский 1868b]; впоследствии статья была включена в «Полное собрание сочинений» Вяземского [Вяземский 1878–1896, т. 7 (1882), с. 214–230]. Алексей Алексеевич Бобринский (1800–1868), внук Екатерины II, крупнейший деятель сельского хозяйства, зачинатель сахарной промышленности в Российской империи.

186. Речь идет о стихотворении Вяземского «Памяти Авраама Сергеевича Норова» [Вяземский 1869а, стб. 67–74]; впоследствии стихотворение было включено в «Полное собрание сочинений» Вяземского [Вяземский 1878–1896, т. 12 (1896), с. 402–406]. Авраам Сергеевич Норов (1795–1869), писатель, гос. деятель, ученый, путешественник.

187. Имеется в виду подготовленный по инициативе М.П. Погодина первый том «Сочинений» Ф.Н. Глинки [Глинка 1869].

188. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 44. Записка относится к 1869 г., когда вышло седьмое издание книги А.П. Глинки «Жизнь Пресвятыя Девы Богородицы. Из книги Чети-Минеи» (1-е изд. – М., 1840; 2-е изд. – М., 1842; 3-е изд. – М., 1844; 4-е изд. – М., 1850; 5-е изд. – М., 1857; 6-е изд. – Тверь, 1861; 7-е изд. – М., 1869), ставшее первым после смерти А.П. Глинки [Жизнь Богородицы 1869]. Если прежние издания, отпечатанные в Университетской типографии, были весьма дорогостоящи для массового читателя, то благодаря М.П. Погодину книгу удалось существенно удешевить, о чем и сообщает Ф.Н. Глинка в записке, направленной П.А. Вяземскому.

189. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1731. Л. 45–46. Письмо датируется 1869 г., т. к. содержит сообщение о выходе книги стихотворений А.П. Глинки «Задуманные думы» (1869).

190. См. прим. 180.

191. Вероятно, речь идет о содержащей и стихотворения, и мемуарную прозу кн. П.А. Вяземского «Поминки по Бородинской битве и Воспоминания о 1812 годе» [Вяземский 1869b].

192. Речь идет об изданной с пометой «Не для продажи» кн. А.П. Глинки «Задуманные думы» [А.П. Глинка 1869]. Произведения, вошедшие в эту книгу, переизданы в 2012 г. [А.П. Глинка 2012, с. 21–285].

193. Можно предположить, что речь идет о сб. «О жизни и кончине Авдотьи Павловны Глинки», однако материал в нем расположен иначе, чем описывается далее в письме, – сначала следует статья «О жизни и кончине Авдотьи Павловны Глинки», принадлежащая, вероятно, Ф.Н. Глинке [О жизни и кончине Авдотьи Глинки 1863, с. 3–17], а далее – в приложениях – материалы А.П. Глинки, в т. ч. ее статья «Доброхотная

копейка для бедных (Проект, написанный в 1845 году)» [О жизни и кончине Авдотьи Глинки 1863, с. 21–23].

194. Митрополит Исидор (в миру Яков Сергеевич Никольский; 1799–1892), религ. деятель, в 1860–1892 гг. – митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский, экзарх Финляндии.

195. Виктор Ипатьевич Аскоченский (1813–1879), писатель, журналист и историк; в 1858–1877 гг. издавал журнал «Домашняя беседа». В письме назван *Оскоченским*.

Источники

Аксаков 1988 – Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988.

Багратион 1878 – Стихи князя Петра Романовича Багратиона Феодору Николаевичу Глинке. (При посылке нового календаря). 30 дек. 1869, 12 янв. 1870. М., 1878.

БАС 2004–2024 – Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2004–2024. Т. 1–28 (изд. продолжается).

Вяземский 1823 – [Вяземский П.А.]. Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева // Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева. Издание шестое, исправленное и уменьшенное. Ч. 1. СПб., 1823. С. I–LII.

Вяземский 1847a – Вяземский П.А. Сергей Николаевич Глинка // Санкт-Петербургские ведомости. 1847. № 277 (4 дек.). С. 1252; № 278 (5 дек.). С. 1256.

Вяземский 1847b – Вяземский П.А. Сергей Николаевич Глинка: [Некролог]. СПб., [1847].

Вяземский 1866a – Вяземский П.А. Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива // Русский архив. 1866. Кн. 7. Стб. 1065–1088.

Вяземский 1866b – Вяземский П.А. 16 апреля 1866 г. [СПб.], [1866].

Вяземский 1866c – Вяземский П.А. Два стихотворения [Москва. – На железной дороге, в день отъезда из деревни]. СПб., 1866.

Вяземский 1866d – Вяземский П.А. Памяти Карамзина. Тому сто лет [стихотворение] и О письмах Карамзина. Чит. в торжественном собрании имп. Акад. наук 1 декабря 1866 г. СПб., 1866.

Вяземский 1868a – Вяземский П.А. Граф Алексей Алексеевич Бобринский // Русский архив. 1868. № 12. Стб. 2025–2048.

Вяземский 1868b – Вяземский П.А. Граф Алексей Алексеевич Бобринский. Воспоминания. М., 1868.

Вяземский 1869a – Вяземский П.А. Памяти Авраама Сергеевича Норова // Русский архив. 1869. № 4. Стб. 67–74.

Вяземский 1869b – Вяземский П.А. Поминки по Бородинской битве [Стихотворения] и Воспоминания о 1812 годе. М., 1869.

Вяземский 1878–1896 – Вяземский П.А. Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1878–1896.

Вяземский 1963 – Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963.

Вяземский 2017 – Вяземский П.А. Стихотворения 1837–1877. Допотопная или допожарная Москва. Листки из «Старой записной книжки». М., 2017.

Герцен 1958 – Герцен А.И. Appel à lapudeur (Издателям русских газет) // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. М., 1958. С. 409–415.

А.П. Глинка 1869 – Глинка А.П. Задушевные думы. [Стихотворения]. М., 1869.

А.П. Глинка 2012 – Глинка А.П. Стихотворения. Переводы. Тверь, 2012.

С.Н. Глинка 1895 – Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895.

Глинка 1814 – Глинка Ф.Н. Подвиги графа Михаила Андреевича Милорадовича в Отечественную войну 1812 года. М., 1814.

Глинка 1818 – Глинка Ф.Н. Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича. СПб., 1818.

Глинка 1849 – Глинка Ф.Н. Три отрывка из поэмы «Таинственная капля» // Литературные прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. 1849. № 1. С. 1–8.

Глинка 1850 – Глинка Ф.Н. Предание и событие. Отрывок из неизданной поэмы «Таинственная капля». [СПб., 1850].

Глинка 1861 – Глинка Ф.Н. Таинственная капля: Народное предание: В 2 ч. Берлин, 1861.

Глинка 1869 – Глинка Ф.Н. Сочинения. Т. 1. Духовные стихотворения. М., 1869.

Глинка 1871 – Глинка Ф.Н. Таинственная капля: Народное предание. Ч. 1–2. М., 1871 (на обложке – 1870).

Глинка 1903 – Глинка Ф.Н. Мои воспоминания о незабвенном Н. Мих. Карамзине // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 76–102.

Глинка 1986 – Глинка Ф. Сочинения. М., 1986.

Глинка 1987 – Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987.

Глинка 2005 – Глинка Ф.Н. Стихотворения. Тверь, 2005.

Греч 1868a – О пасторе Госнере. Из записок Н.И. Греча // Русский архив. 1868. № 9. Стб. 1403–1413.

Греч 1868b – Из записок Николая Ивановича Греча // Русский вестник. 1868. № 6. С. 371–421.

Греч 1873 – Записки Н.И. Греча. Главы I–II // Русский архив. 1873. № 3. Стб. 225–341.

Греч 1886 – Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб., 1886.

Даль 1862 – Даль В.И. Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок прибауток, загадок, поверий и проч. М., 1862.

Жизнь Богородицы 1869 – Жизнь Пресвятыя Девы Богородицы: Из кн. Чети-Минеи / Изд. Авдотьей Глинкою. 7-е изд., с прил. Беседы митр. Петербургского Григория. М., 1869.

И.А. Тютчев 1885 – Тютчев И.А. В училище правоведения в 1847–1852 гг. Воспоминания по поводу 50-летнего юбилея училища // Русская старина. 1885. Т. XLVIII. № 11. С. 436–452; № 12. С. 663–678. Т. XLIX. № 1. С. 361–376.

Кочубей 1890 – Семейная хроника. Записки Аркадия Васильевича Кочубея. 1790–1873. СПб., 1890.

Летопись жизни и творчества Пушкина 1999 – Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. Т. 3. М., 1999.

Мартынов 1999 – Мартынов П.М. Село Мишенское, родина В.А. Жуковского // В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999.

Морозов 1913 – Морозов А.В. Каталог моего собрания гравированных и литографированных портретов. Т. II. Д–Л. М., 1913.

Новости не-политические 1823 – [Б. п.]. Новости не-политические // Сын отечества. 1823. № 21 (26 мая). С. 37.

О жизни и кончине Авдотьи Глинки 1863 – О жизни и кончине Авдотьи Павловны Глинки. СПб., 1863.

Остафьевский архив 1899 – Остафьевский архив князей Вяземских. Т. II. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1820–1823. [Ч. 1]. М., 1899.

От СПб ВОЛРС 1823 – [От Санкт-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности] // Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева. Издание шестое, исправленное и уменьшенное. Ч. 1. СПб., 1823.

Отчет деятельности Карамзина 1866 – Отчет деятельности и личности Карамзина, читанный академиком Я.К. Гротом в торжественном собрании императорской Академии наук 1-го декабря 1866 года. СПб., 1866.

Отчет деятельности Карамзина 1867 – Отчет деятельности и личности Карамзина, составленный академиком Я.К. Гротом к торжественному собранию императорской Академии наук 1-го декабря 1866 г. СПб., 1867.

Письма Дмитриева Вяземскому 1898 – Письма И.И. Дмитриева к князю П.А. Вяземскому. С предисловием и примечаниями Н.П. Барсукова // Старина и новизна. 1898. Кн. 2. С. 117–263.

Письма Карамзина Дмитриеву 1866 – Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866.

Погодин 1866 – Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 1–2. М., 1866.

Полевой 1829–1830 – Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1–3. М., 1829–1830.

Пономарев 1879 – Пономарев С.И. Памяти князя П.А. Вяземского. СПб., 1879.

Пушкин 1941 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 14. М.; Л., 1941.

СРЯ XVIII века 1989 – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. Выпить – грызть. Л., 1989.

Стихотворения И.И. Дмитриева 1823 – [Б. п.]. [Рец.:] Стихотворения И.И. Дмитриева. Издание шестое, с портретом автора. 2 части. 1823 года. С.П.-бург, в типогр. Н.И. Греча // Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. XXIV. Кн. 11. С. 217–220.

Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева 1823 – [Б. п.]. [Рец.:] Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева. Издание шестое, исправленное и уменьшенное. Две части. С.П.б. 1823, в тип. Н. Греча, в 8, в 1й ч. ЛП и 155, во 2й 151 стр., с портретом автора // Сын Отечества. 1823. № L (15 дек.). С. 180–183.

Тургенев 1978 – Тургенев И.С. Современные заметки // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. М.: Наука, 1978. Т. 1. С. 281–290.

Ф.И. Тютчев 1978 – Ф.И. Тютчев. Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности. 1818–1973. М., 1978.

Фараонов 1847 – Фараонов И. Опыт переложения в стихи некоторых мест Священного писания. СПб., 1847.

Чтения о французской литературе 1846 – [Б. п.]. Чтения о французской литературе // Северная пчела. 1846. № 264 (22 ноября). С. 1053.

Юбилей Вяземского 1861 – Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. СПб., 1861.

Voltaire 1785 – Oeuvres complètes de Voltaire. Т. 13. [Epîtres, stances et odes]. Basle: Jean-JaquesTourneisen, 1785.

Литература

Базанов 1949 – Базанов В.Г. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949.

Васильев, Жаткин 2018 – Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Стихи В.Г. Бенедиктова на юбилей князя П.А. Вяземского. Текст и комментарий // Литературный факт. 2018. № 8. С. 196–212.

Васильев, Жаткин 2021 – Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Творчество П.А. Вяземского: известное и неизвестное. СПб., 2021.

Гиллельсон 1962 – Гиллельсон М.И. Новое о статье П.А. Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях И.И. Дмитриева» // Русская литература. 1962. № 3. С. 219–223.

Гиллельсон 1982 – Гиллельсон М.И. Комментарии // Вяземский П.А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 303–365.

Грот 1903 – Грот К.Я. Н.М. Карамзин и Ф.Н. Глинка. Материалы к биографиям русских писателей. СПб., 1903.

Евсеева 1992 – Евсеева М.К. Долгоруков (Долгорукий) Алексей Владимирович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 147–148.

Жаткин 2003 – Жаткин Д.Н. Символика розы в поэзии А.А. Дельвига и М.Ю. Лермонтова // Тарханский вестник. Вып. 16. [Пенза], 2003. С. 137–141.

Жаткин 2008 – Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // Русская речь. 2008. № 1. С. 3–6.

Жирмунская 1984 – Жирмунская Н.А. Творчество Жана Расина // Расин Ж. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1984. С. 397–439.

Журавлев 1961 – Журавлев Н.В. Салтыков-Щедрин в Твери. Калинин, 1961.

Зверев 2004 – Зверев В.П. О взаимоотношениях Ф.И. Тютчева и Ф.Н. Глинки // Литературоведческий журнал. 2004. № 18. С. 79–120.

Иваницкая 2012 – Иваницкая Е.М. Журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» в историко-литературном контексте 1820-х гг. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 13 (93). С. 57–65.

Ильин-Томич 1989 – Ильин-Томич А.А. Глинка Федор Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 578–581.

Карпов 1999 – Карпов А.А. Никитин Андрей Афанасьевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 304–305.

Кузнецова 1983 – Кузнецова Е. Письмо Ф.И. Тютчева к Ф.Н. Глинке // Прометей: Историко-биографический альманах. Т. 13. М., 1983. С. 338–341.

Манн 2005 – Манн Ю.В. «Странные вещи»: К характеристике гоголевского стиля // Литература. Приложение к газете «Первое сентября». 2005. № 12 (579). С. 31–33.

Пухов 1979 – Пухов В. Юбилей Жуковского // Вопросы литературы. 1979. № 2. С. 212–222.

Строганова 1996 – Строганова Е.Н. М.Е. Салтыков-Щедрин: тверские страницы жизни. Тверь, 1996.

Сукайло 2010 – Сукайло В.А. Труды и дни Ивана Дмитриева: В 2 кн. Кн. 1. Хроника. М.; Ульяновск, 2010.

Тынянов 1977 – Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

**"WE ARE LIVING ANCIENT STONES, SCORCHED AND
HARDENED BY THE MOSCOW FIRE OF 1812":
P.A. VYAZEMSKY AND F.N. GLINKA IN THEIR PERSONAL
CORRESPONDENCE FROM 1820s TO 1860s.
(BASED ON THE MATERIALS FROM THE RUSSIAN STATE
ARCHIVE OF LITERATURE AND ART)**

D.N. Zhatkin

Penza State Technological University

The article introduces into scientific circulation for the first time the correspondence between P.A. Vyazemsky and F.N. Glinka from the 1820s to the 1860s from the collections of the Russian State Archive of Literature and Art (f. 141, reg. 1, storage units 141, 211; f. 195, reg. 1, storage units 602, 632, 1731). It is noted that the exchange of letters between the two parties was not constant and was carried out as practical necessity dictated. The correspondence of the first half of the 1820s is connected with the admission of P.A. Vyazemsky to the honorary membership of the Free Society of Lovers of Russian Literature (FSLRL), chaired by F.N. Glinka, as well as with his participation in the preparation, on the initiative of the FSLRL, of a new edition

of I.I. Dmitriev's "Poems". In 1831 the epistolary dialogue was initiated by P.A. Vyazemsky, who had a dispute in Tver and who was forced to turn to F.N. Glinka as an old friend, who at that time worked in the Tver Provincial Government. The basis for the resumption of the correspondence in 1847 was the publication of P.A. Vyazemsky's obituary article about S.N. Glinka, the elder brother of F.N. Glinka, and his active participation in the fate of the deceased's family. In two separate letters to P.A. Vyazemsky, dating back to 1856 and 1861, F.N. Glinka appears as a person with a clearly expressed conservative public position, formulated, in particular, in the previously unpublished poem "Two Lives of Russia". The second half of the 1860s was a time of intensive correspondence, P.A. Vyazemsky, caustically criticizing the radicalized democratic environment, sought support in people of his generation, and F.N. Glinka, after the death of his wife, was drawn into litigation related to the division of the inheritance, however, from the 18 letters preserved in the RSALA (Russian State Archive of literature and art) – 16 belong to F.N. Glinka and only 2 to P.A. Vyazemsky. This circumstance allows us to speak about the incompleteness of the presented materials and the necessity for further research in other Russian archives, which will contribute to the accumulation of empirical data for subsequent scientific understanding of the creative relationships between P.A. Vyazemsky and F.N. Glinka, previously only fragmentarily touched upon in works devoted to related scientific problems.

Keywords: P.A. Vyazemsky, F.N. Glinka, correspondence, poetry, literary polemics, creative relationships.